

Чинъ пещнаго дѣйства.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Посвящается проф. Н. Э. Красносельцеву.

Изъ чиновъ, бывшихъ въ богослужебной практикѣ древне-русской церкви и нынѣ совершенно вышедшихъ изъ употребленія, наиболѣе всего останавливалъ на себѣ вниманіе русскихъ изслѣдователей и ученыхъ, такъ называемый, «чинъ пещнаго дѣйства». Вниманіе къ этому чину простерлось до того, что онъ одинъ изъ богослужебныхъ чиновъ попалъ даже на страницы курса «исторіи русской литературы» (мы имѣемъ въ виду трудъ П. Полеваго). Этимъ, однако, вниманіемъ къ себѣ настоящій чинъ обязанъ не своимъ внутреннимъ, въ высшей степени интереснымъ литургическимъ особенностямъ, несомнѣнно древняго происхожденія, а чисто случайнымъ и явившимся въ сравнительно позднюю пору существованія настоящаго чина *діалогамъ* между халдеями. Въ этихъ діалогахъ наши ученые (Пекарскій, Веселовскій, Тихонравовъ, Морозовъ и др.) стараются усмотрѣть зародыши у насъ той литургической драмы, которая такъ пышно развилась на западѣ подъ покровомъ католической церкви, въ стѣнахъ величественныхъ, но индеферентныхъ ко всему, костеловъ и получила тамъ названіе «мистеріи». Въ погонѣ за отысканіемъ этого драматическаго элемента въ «чинѣ пещнаго дѣйства», наши изслѣдователи всегда упустили изъ вниманія, съ одной стороны, тотъ хорошо извѣстный литургистамъ¹⁾ фактъ, что православное богослуженіе никогда не чуждалось драматическаго элемента, а напротивъ дало ему видное мѣсто во многихъ чинахъ и послѣдованіяхъ, бывшихъ и доселѣ существующихъ въ употреб-

1) Христ. Чтен., 1888 г., ч. II, стр. 866.

леніи, но главнымъ образомъ въ чинахъ освященія церквей и омовенія ногъ въ великій четвертокъ¹⁾, — а съ другой стороны, не обращали никакого вниманія на положительный и сильный протестъ противъ произвольнаго отождествленія «чина пещнаго дѣйства» съ латинскими мистеріями, высказанный еще въ XIV вѣкѣ извѣстнымъ писателемъ Симеономъ Солунскимъ. Нападая горячо на латинскую церковь за допущеніе въ храмъ мистерій, въ которыхъ съ пластическою рельефностію и съ мельчайшими детальными подробностями, доходившими до полной иллюзіи, старалась она воспроизводить историческія событія изъ жизни Иисуса Христа, Богоматери и святыхъ апостоловъ и угодниковъ, этотъ писатель, чтобы устранить возраженіе латинянъ относительно «чина пещнаго дѣйства», совершавшагося въ греческой церкви съ глубокой древности и какъ бы напоминавшаго западныхъ мистерій, пишетъ слѣдующее: «Если же они (т. е. латиняне) будутъ укорять насъ за пещь отроковъ, то нисколько не поразятъ насъ, потому что мы не зажигаемъ пещи, но употребляемъ восковыя свѣчи съ огнемъ и возносимъ по обычаю *гимнамъ* Богу, и изображаемъ ангела, но не посылаемъ (въ пещь) человѣка. Мы только лишь допускаемъ, чтобы поющіе чистые отроки, какъ тѣ три отрока, воспѣвали ихъ пѣснь, какъ предано. Этихъ отроковъ могутъ изображать всѣ запечатлѣнные (т. е. таинствами) и освященные»²⁾. Въ виду этого всѣ подобнаго рода прежня

1) И въ обычномъ чинѣ омовенія ногъ, практикуемомъ у насъ нынѣ въ кафедральныхъ соборахъ, драматическій элементъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, но ему отводится болѣе широкое мѣсто въ подобныхъ чинахъ, которые нынѣ совершаются въ Иерусалимѣ и въ Патмосскомъ Иоанно-Богословскомъ монастырѣ. Труды Киев. Дух. Акад. 1893 г., кн. VI, стр. 218 — 221. Изъ древнѣйшаго времени намъ извѣстенъ съ еще болѣе развитымъ драматическимъ элементомъ чинъ омовенія ногъ, практиковавшийся въ великой константинопольской церкви. Этотъ послѣдній чинъ мы знаемъ только пока по славяно-русскимъ рукописямъ. Здѣсь объ умовеніи ногъ епископа, изображающаго Симона Петра, мы читаемъ слѣдующее: «По приходѣ къ старшему (епископу), священникъ возглашаетъ: «Приде же къ Симону Петру». Старшій епископъ говоритъ: «Ты ли мои умыеши нозѣ?» Святитель: «Еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣши же по сихъ». Первый верховный: «Не умыеши ногу мою во вѣки». Святитель: «Аще не умыю тебѣ, не имаша части со мною». Тогда, вставъ верховный, мало яко пристрашенъ, и руки въздвижъ подь фелонемъ, показуетъ роукою правую къ ногамъ, глаголя масомъ тихимъ въ услышаніе всѣмъ: «Господи, не нозѣ токмо». Тажъ, показуя роуку, глаголетъ: «Но и рудѣ». И обративъ роуку, показуетъ на главу, тоую мало преклонъ, глаголетъ: «И главу». Святитель: «Измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ, и вы чисти есте, но не вси». Ркп. XVI в. Соловецк. библ. № 1085, л. 463 об.; № 1090 л. 49 об. 50; ркп. XIV — XV в. М. Синод. библ. № 371 (675) л. 13 об. (Опис. ркп. М. Синод. библ. М. 1869 г. Отд. III, ч. I, стр. 129).

2) Migne Patrol. Curs. Complet. t. CLV. col. 113. Εἰ δὲ καὶ περὶ τῆς χαμίνου τῶν παίδων ἡμᾶς αἰτιάσονται, ἀλλ' οὐ χαίρσουσιν ἕως. Οὐ γὰρ ἀνάπτομεν χαμίνον,

ученія розысканія о «чинѣ», для интересующихся культурнымъ прошлымъ Византіи и, въ частности, состояніемъ ея богослуженія, теряютъ почти всякое значеніе, и предъ ними снова является настоятельная необходимость изслѣдовать «чинъ пешнаго дѣйства», разсмотрѣть всѣ особенности его, каждую въ отдѣльности и въ цѣльномъ послѣдовательномъ изложеніи, въ конструкціи чина, методомъ историко-археологическимъ, чтобы заполнить въ нашей литературѣ пробѣлы по отношенію къ данному чину. Нужно сознаться, что съ этой стороны «чинъ пешнаго дѣйства» никогда еще не изслѣдовался, хотя и былъ онъ въ самое недавнее время предметомъ изученія виднаго современнаго намъ литургиста протоіерея К. Т. Никольскаго, весьма обстоятельно изложившаго *внѣшнюю* историческую судьбу его въ нашей церкви, въ капитальномъ своемъ трудѣ: «О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ», Спб. 1885 г., стр. 169 — 213. Но, чтобы данный чинъ разсматривать съ точки зрѣнія вышеуказанной и быть вполнѣ понятымъ нашими читателями, мы считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать хотя бы то и краткій экскурсъ въ исторію нашего церковнаго устава, и доселѣ еще не обслѣдованную всесторонне и не освѣщенную надлежащимъ образомъ. Только, при свѣтѣ этой исторіи, для насъ будутъ понятны всѣ особенности «чина пешнаго дѣйства» и разрѣшатся сами собою многія недоумѣнія, высказанныя прежними его изслѣдователями.

Исторія нашего «монастырскаго», а вмѣстѣ съ тѣмъ и обще-церковнаго устава начинается только съ 1051 года, когда, по сказанію Нестора лѣтописца, преп. Θεοδοσίη Печерскій «нача искати правила чернечьскаго», «*устава чернець студійскихъ*», въ которомъ говорилось о томъ, «како пѣти пѣнья монастырская и поклонъ како держати, и чтенья почитати, и *стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный*, на трапезѣ сѣданье и что ясти въ кыя дни все съ установленіемъ» (П. С. Р. Л., т. 1, стр. 69). «Пр. Θεοδοσίη избобрѣтъ (т. е. уставъ)¹⁾ передасть мо-

ἀλλὰ κηροῦς μετὰ φώτων, καὶ θυμίαμα Θεοῦ κατὰ τὸ ἔθος προσφέρομεν, καὶ ἄγγελον εἰκονίζομεν, οὐκ ἄνθρωπον ἀποστέλλομεν. Παῖδας δὲ μόνον ὑμνοῦντας καθαρούς, ὡς ἐκεῖνους τοὺς παῖδας τρεῖς παριστώμεν, ἄδειν αὐτοὺς τὴν ὥδην ἐκεῖνων, ὡς παραδέδοται. Οὓς παῖδας καὶ πάντες οἱ ἐσφραγισμένοι καὶ ἱεροὶ τυποῦσι παῖδες.

1) Относительно распространенности и общепринятости на востокъ этого Типикона Симеонъ Солунскій говоритъ въ отвѣтахъ Гавріилу Пентапольскому слѣдующее: ἕτερον δ' ἐστὶ τὸ (τυπικόν) τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ὅπερ δὴ καὶ πᾶσαι εἶχον ἐκκλησίαι. Migne Patrol. Curs. complet. t. CLV. col. 908. Подобныя же мысли высказываются имъ и въ другихъ его сочиненіяхъ и при томъ довольно часто. Ibid. col. 553, 556, 624 et caet. Слич. Толкованія Вальсамона. Σύνταγμα κανόνων. Πρότλη καὶ Ῥάλλη τ. δ' σελ. 448, 449.

настырю своему: отъ того же монастыря переяша *все монастыреве уставъ*» (тамъ же), а затѣмъ и всѣ русскія церкви. Чѣмъ же руководилась въ богослужебной практикѣ русская церковь до этого времени, почти около ста лѣтъ со времени принятія русскими христіанства? Вотъ естественный вопросъ, который долженъ родиться у излѣдователя прежде всего, а между тѣмъ онъ не нашель себѣ даже и слабого отраженія въ специальномъ трудѣ покойнаго профессора Московской духовной Академіи И. Д. Мансветова «Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви». Москва. 1885 г. Намъ думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что церковь греческая византійская, просвѣтившая насъ свѣтомъ Христовой вѣры, учредившая у насъ іерархію, дала намъ въ то же время и тотъ церковный уставъ, какимъ сама пользовалась, а таковымъ у нея въ данное время былъ «уставъ великой константинопольской церкви». Переходя отъ этихъ чисто теоретическаго характера соображеній на почву положительныхъ фактовъ, мы находимъ, по нашему мнѣнію, самыя ясныя слѣды существованія у насъ въ богослужебной практикѣ древне-русской церкви устава великой константинопольской церкви.

Въ правилахъ митрополита русскаго Іоанна II (1080 — 1089) имѣется, напримѣръ, слѣдующее постановленіе касательно службъ вечерни и утрени въ воскресеньѣ, подтверждающее соблюденіе у насъ обычая церкви константинопольской¹⁾. «Иже въ пѣнии: «Въскреси Господи» и «Всяко дыханіе», «Аллилугия» и прокимень вечернихъ церковныхъ (ἐκ παλαιῶ ἔθος ἐκκλησιαστικόν), говоритъ митрополитъ Іоаннъ, *іертѣмъ и архиіертѣмъ съдати, бѣлцемъ или простыцемъ никакоже, аще князь или царь будетъ*»²⁾. Другимъ церковнымъ уставамъ данный обычай не извѣстенъ.

1) «Подобаетъ же вѣдати, говорится по поводу даннаго обычая въ Уставѣ патріарха Алексѣя (1034 — 1043), яко *великая церкви по все лѣто на всяку недѣлю гласомъ 6 поетъ: «Въскреси Господи», въ ту же едину утреннюю (т. е. въ великую субботу) семьюмъ гласомъ поеть таковаго прокимена*» (Рукоп. М. Синод. библ. № 333, л. 120). Объ этомъ прокимнѣ у насъ рѣчь впереди, а теперь отмѣтимъ, что въ «чинѣ вечерняго и утренняго богослуженія», по уставу великой церкви, относительно обычая — сидѣть, во время пѣнія этого прокимна, замѣчено: καὶ ἀφῆται (т. е. діаконь, намѣревающийся читать евангеліе на амвонѣ) μετὰ τῶν διακόνων μέχρι ἀν πληρώσωσιν οἱ ἀναγνώσται μετὰ τοῦ δημοστίου τὸ προκείμενον καὶ τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι τὴν ἀγίαν βασιλείαν αὐτῶν καὶ τὸ τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα. Ἦνίχα δὲ λέγουσι τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι καὶ τὰ ἔξῃς, ἀνίσταται ὁ ἱερεὺς καὶ οἱ διάκονοι (Ркп. XV в. библиотеки русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ, л. 323 об.).

2) Русск. Истор. библ. изд. археографич. комиссією. Спб., 1880 г., т. VI, стр. 5. Сборн. Отдѣл. русск. языка и словесности Импер. Академіи наукъ. Спб. 1877, т. XV; № 3, стр. 10 — 11.

Въ правилахъ владимірскаго собора 1274 года митрополитъ Кириллъ отмѣчаетъ, что «въ предѣлѣхъ новгородскихъ дьяконы, емлюща Божественный Агньи, и прежде поповъ проскоурмисание творяще, и потомъ пришедшемъ попомъ, послѣ проскоурмисати»¹⁾ и дѣлаеть распоряженіе о его прекращеніи. Митрополитъ Кипріанъ въ отвѣтахъ къ Игумену Аванасію 1390 — 1405 гг. подтверждаетъ прежнее постановленіе: «дьякону нельзя проскомисати, слуга бо есть попу, а не ровень»²⁾, чѣмъ ясно указываетъ на то, что прежній обычай продолжалъ сохранять свою силу въ практикѣ. Обычай этотъ явился къ намъ несомнѣнно изъ Византіи вмѣстѣ съ уставомъ церкви константинопольской³⁾ и особенно прочно утвердился въ практикѣ новгородской церкви, которая оказала широкое гостепрѣимство этому Типикону. За византійское происхожденіе разсматриваемаго нами обычая говоритъ, между прочимъ, и тотъ любопытный фактъ, что на вопросъ сарайскаго епископа Теогноста: «Аще будутъ попове мнози и дьякони, подобаеть ли игуменомъ проскомисати, или ни»? соборъ константинопольскій 12 августа 1276 года даетъ отвѣтъ въ духѣ византійской практики: «Аще будетъ старѣйшій игумень, да посылаетъ дѣякона, аще ли епископъ будетъ съ ними на службѣ, да проскомисають вси»⁴⁾. Прекратилъ свое существованіе этотъ обычай на востокѣ въ XIV вѣкѣ⁵⁾.

Изъ поученія къ новгородскому духовенству (1395 г.) митрополита Кипріана и изъ посланія митрополита Фотія отъ 12 августа 1419 г. къ псковскому духовенству мы видимъ, что оба эти митрополита запрещаютъ совершеніе литургій въ среду и пятницу сырной недѣли

1) Русск. Истор. библ. т. VI, стр. 96.

2) Тамъ же, стр. 257.

3) Въ уставѣ Алексѣя, патріарха константинопольскаго, читаемъ о службѣ поста св. апостоловъ: «на шестѣмъ часу попъ съ дѣяконѣмъ, поклоньшася тришды предъ святою трапезою и вземше благословеніе у игумена облачитася и проскоурмисаетъ дѣяконѣ». Ркп. М. Синод. библ. № 330, л. 66. О совершеніи проскомиидіи дѣякономъ говорится въ толкованіи на литургію Теодора, епископа Андидскаго. «И Господне тѣло, какъ бы изъ нѣкоего чрева и отъ кровей и отъ плоти дѣвственнаго тѣла, — изъ цѣлаго хлѣба, т. е. благословенія или просфоры, *дѣякономъ, какъ это принято въ великой церкви* (παρὰ διακόβου, ὃς ἡ Μεγάλη ἐκκλησία παρέλαβε), изсѣкается посредствомъ нѣкоего орудія, которое называется копіемъ». . . «Хотя Тѣло Господне изсѣкается и священникомъ, но въ великой церкви ведется изъ древности обычай, чтобы совершалъ это дѣяконѣ». Migne Patrol. Curs. Complet. t. CXL col. 429.

4) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 134.

5) Симеонъ Солунскій говоритъ объ этомъ обычаѣ, какъ уже вышедшемъ изъ практики не только константинопольской, но даже и солунской церкви, и сохраненіе его на Афонѣ считаетъ «неблагоприличнымъ». Τὸ (т. е. χάρισμα) πρὶν γινόμενον ἐν Θεσσαλονίῃ, καὶ νῦν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τῷ Ἄθῃ, τὸ διακόβου προσφέρειν, пишеть онъ, οὐκ ἐταχτοῦ, οὐδ' ἀρμόδιον. Migne Patr. Curs. complet. t. 155, col. 289.

и въ пятницу великую. «А въ среду масленя недѣли и въ пятницу, говоритъ митрополитъ Кипріанъ, никакая службы, но толко часы съ вечернею; такоже и въ великую пятницу по томужъ»¹⁾. «А еже въ среду и въ пятокъ сырныя недѣли», пишетъ по тому же поводу въ Псковъ митрополитъ Фотій, «не пріяхомъ ниже въ Палестинѣ, ни въ Святой Горѣ, ниже въ царствующимъ Цариградѣ не пріяхомъ въ сіа дни, рекше среду и пятокъ сырныя недѣли, ниже свершеную литургію, ниже презжесвященную стваряти; подобнъ же и наипаче въ пятокъ великій распятія Христова не пріяхомъ ни свершену литургію, ни презжесвященную»²⁾. Ссылку митрополита Фотія въ данномъ случаѣ на практику «царствующаго Цариграда» нужно понимать въ томъ смыслѣ, что обычай совершать литургію преждеосвященныхъ даровъ въ среду и пятокъ сырной недѣли и въ великую пятницу, ко времени митрополита Фотія, подъ вліяніемъ устава іерусалимскаго, вышелъ даже изъ практики и великой константинопольской церкви, чему подтвержденіе можно находить въ постановленіяхъ собора константинопольскаго 1276 г.³⁾ и въ трудахъ Симеона Солунскаго⁴⁾. Но въ глубокой древности обычай этотъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто въ практикѣ константинопольской церкви⁵⁾, черезъ уставъ которой проникъ къ намъ въ нашу богослужебную практику и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ это видно изъ почитованныхъ поученія митрополита Кипріана и грамоты митрополита Фотія, держался прочно даже до XV столѣтія.

Отвѣтъ 22 Кирику Нифонта, епископа новгородскаго: «А игумень чтетъ еуангеліе на литоургии на великъ день въ олтари, зря на западъ, а дьяконъ по немъ молвить, предъ олтаремъ стоя, по

1) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 236.

2) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 414.

3) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 133 «Въ сырную недѣлю, въ среду и пятокъ постнаа служба, или Иванова служити?» спрашивалъ епископъ сарайскій Теогность. Соборъ отвѣтилъ: «Не поется тогда служба ни постная, ни Иванова, но въ 9 часъ часы съ вечернею поють».

4) Οἴμαι, говоритъ Симеонъ Солунскій, διὰ τὸ μὴ τελείαν εἶναι νηστείαν, καὶ μὴ δὲ λειτουργίαν, ὡς ἔθος τελείαν γίνεσθαι καὶ τῆς τῶν προηγιασμένων καταμελλῆσαι. Ἐπι δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ Ἱεροσολυμητικοῦ τυπικοῦ, ὅπερ μοναχικόν ἐστιν. Migne Patrol. Curs. Complet. t. 155 col. 908.

5) Ὁθεν καὶ ὡς τὸ ἀρχαῖον φησι τυπικόν τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ὁ πατριάρχης κατὰ τὴν τετράδα τῆς τυροφάγου πρῶτος ἐλείτουργει τὰ προηγιασμένα, ἐν ἧ δὴ καὶ τῇ παρασκευῇ μετὰ τῆς νηστείας καὶ τυρὸν ἐσθίειν ἔθος ἦν, πρὸς ἀναίρεσιν αἰρετικῆς τινος δόξης. Ἐν ταῖς δυσὶν οὖν ἐκείναις τῆς τυροφάγου νηστείας τὰ τῶν προηγιασμένων οὕτως ἐτελεῖτο ἐξάρχῃς... Καὶ κατὰ τὴν ἁγίαν δὲ καὶ μεγάλην παρασκευὴν οὕτως ἐξρχῆς προηγιασμένα ἐτελεῖτο. Migne Patrol. Curs. Complet. t. 155 col. 905. Слич. Типикъ великой церкви рка. Патмосск. библ. № 266, л. 188 об., 217.

строить въ другое евангеліе зря)¹⁾ представляетъ точное воспроизведение у насъ подобнаго обычая практики великой церкви константинопольской²⁾. О чтеніи евангелій архіереемъ намъ извѣстно еще распоряженіе константинопольскаго собора 1276 года, сдѣланное тоже въ духѣ практики церкви константинопольской. На вопросъ Θεογноста, епископа Сарайскаго: «въ кіа дни подобаеть и въ годы чести святителю евангеліе»? соборъ отвѣчалъ: «Четыржды въ лѣто, рекше, страстныя недѣли (въ) великій четвертокъ первое евангеліе³⁾, и на Пасху на литоргіи⁴⁾, и на вечерни⁵⁾, и въ первый день сентября мѣсяца, егда ходять съ кресты⁶⁾. Еже съ игуменомъ въ великіа праздники⁷⁾ да чтуть, при инѣхъ попѣхъ не чтуть, развѣе нужда»⁸⁾.

1) Русск. Истор. библи., т. VI, стр. 29 — 30.

2) Καὶ τοῦ πατριάρχου ἀρχομένου λέγειν (т. е. евангеліе), говорится въ Типиконѣ великой церкви, ὁ διάκονος ὁ γριχὸς (γραιχὸς), ἐστὼς ἐν τῷ ἄμβωνι, ἐκφωνεῖ, κράζων τὰ λεγόμενα ὑπὸ τοῦ πατριάρχου οὕτως: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος. Ркп. Патм. библи. № 266, л. 221 об.

3) Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о чинѣ страстей великаго пятка, по уставу константинопольской церкви, и должны ограничиться лишь предположеніемъ, что постановленіе собора 1276 г. о томъ, чтобы тῆ μεγάλη τέμπλη ἐσπέρας εἰς τὴν ἀγρυπνίαν, τὸ τῆς διαθήκης εὐαγγέλιον читалъ архіерей, основано на обычаѣ практики великой церкви. Русск. Истор. библи., т. VI, прил. стр. 2. Что же касается священника, то, по распоряженію митрополита Кипріяна, въ службѣ св. страстей «на святомъ престолѣ всѣ евангелія чтутся, отъ перваго и до послѣдняго, попу же во вся ризы ободчену». Тамъ же, стр. 265.

4) См. примѣч. выше.

5) Въ уставѣ великой церкви говорится о вечерней пасхальной службѣ: Χρὴ γινώσκειν, ὅτι μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ λυχνικοῦ ἀνέρχεται ὁ πατριάρχης ἐν τοῖς εὐκτηρίοις τοῦ πατριαρχείου καὶ γίνεται ὑπὸ τοῦ διακόνου τὸ μέγα Κύριε ἐλέησον καὶ ἀναγινώσκει ὁ πατριάρχης τὸ εὐαγγέλιον τὸ ἀναστάσιμον τῆς πλευρᾶς ἕως ἂν τινων κρατῆτε κερκράτηνται. Ркп. Патмосск. библи. № 266, л. 222. По поводу этого обычая въ Апостолѣ XII в. русск. Пантелеим. монаст. № 252 замѣчено: νῦν δὲ παρόντος αὐτοῦ ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ἀναγινώσκεται τὸ εὐαγγέλιον ὑπὸ τοῦ πρωτοπρεσβυτέρου ἢ τοῦ δευτερεύοντος ἐπὶ τοῦ ἄμβωνος.

6) О евангеліи въ чинѣ литіи на новолѣтіе, по уставу великой церкви, замѣчено: καὶ τότε ἀπάρχεται τῆς περιοχῆς (τοῦ εὐαγγελίου) ὁ ἀρχιερεύς, ὁ δὲ τῶν διακόνων δευτερέων ἐκφωνεῖ τὰ ὑπ' αὐτοῦ λεγόμενα. Ркп. Евангеліе церковн. Археолог. муз. при кiev. Академіи (бывшая тавр. семинаріи).

7) На пасху, по уставу патріарха Алексѣя, «служба совершается отъ попа въ олтари, прокимень, апостоль, аллилуія и евангеліе игуменъ чтеть, близъ престола стоя, дьяконома обалъ поддѣержащема евангеліе». Ркп. Типограф. библи. № 287 л. 17; ркп. Синод. библи. № 330 л. 38. По завѣщанію Θεοδора Студита, соблюдается, согласно съ обычаемъ великой церкви (τὰ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας παραδεδομένα), тотъ-же самый порядокъ не только въ первый день пасхи, но и въ каждый господскій праздникъ. Оὔτως, говорится здѣсь, καὶ εἰς πᾶσαν ἐτέραν δεσποτικὴν ἑορτὴν ποιούμεν. Τὸ προκείμενον δὲ καὶ τὸν ἀπόστολον καὶ τὸ ἀλληλουάριον ἔσωθεν τοῦ βήματος ὁ διάκονος λέγει, ὁμοίως καὶ ὁ πρωτοπρέτορος (πρωτοπρεσβύτερος) τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον. Ркп. Ватопед. Аѳон. мон. XIII — XIV в. № 322 (956) л. 133.

8) Русск. Истор. библи. т. VI стр. 131; прилож. стр. 2.

Митрополитъ Киприанъ въ 1395 г. посылаетъ псковскому духовенству для недѣли православія «синодикъ правый, истинный, *который чтуть въ Цариградѣ, въ Софїи святой, въ патриархїи*», при чемъ прибавляетъ: «А синодикъ есмь послалъ къ вамъ *правый Царегородскій, по чему и мы здѣсь поминаемъ, или еретиковъ проклинаемъ: и вы по тому дѣйте*»¹⁾. Тотъ же митрополитъ къ игумену Аѳанасію пишетъ: «Трапеза же святая помывати въ великій четвертокъ, въ соборныхъ же церквахъ святителю, а меньшей чяди немощно сего дѣяти»²⁾, т. е. опять узаконяетъ въ нашей богослужебной практикѣ обычай церкви константинопольской³⁾.

Чины поставленія въ іерархическія степени и въ частности «уставъ како достоинъ избирать епископа», «уставъ благовѣстію», «о малѣмъ знаменїи», «уставъ, бываемый на поставленїи епископомъ», чинъ «настолованія» епископовъ и митрополитовъ⁴⁾, чины коронаванія князей и царей русскихъ⁵⁾, чинъ новолѣтія, совершаемый 1 сентября⁶⁾, и нѣкоторые другіе чины цѣликомъ перенесены къ намъ изъ практики великой константинопольской церкви.

Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ чины и особенности древне-русской богослужебной практики, сходные съ практикою константинопольской церкви, такъ какъ и на основанїи отмѣченныхъ фак-

1) Тамъ-же стр. 239, 241. Нашъ синодикъ былъ буквальный переводомъ греческаго оригинала. Это убѣдительнѣйшимъ образомъ доказалъ нашъ извѣстный ученый византологъ проф. Ф. И. Успенскій въ своемъ превосходномъ изданїи: «Синодикъ въ недѣлю православія. Сводный текстъ съ приложенїями». Одесса. 1893 г.

2) Русск. Истор. библ. т. VI стр. 258—259.

3) Χρῆ γινώσκειν, говорится въ типиконѣ великой церкви, ὅτι μετὰ τὴν ἀπόλυσιν τῆς τριτοῦκτης γίνεται κατὰ πλυσιν τῆς ἁγίας τραπέζης. Ркп. Патмосск. библ. № 266 л. 214.

4) Особенности древне-русскихъ чиновъ поставленія во всѣ іерархическія низшія и высшія степени изложены въ нашей книгѣ: «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в. ч. I Казань 1884 г. стр. 353—380. Греческое происхождение ихъ, именно изъ практики церкви константинопольской мы можемъ теперь доказать извѣстными намъ чинами этой церкви по рукоп. библ. монастыря Св. Саввы Освящ. № 362 л. 34—50 и Диатаксисомъ протонотарія Дмитрія Гемисты подъ заглавіемъ: Διάταξις τῆς τοῦ πατριάρχου λειτουργίας, πῶς γίνεται ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, ἐν ἣ καὶ ἡ τάξις τῶν χειροτονιῶν, καὶ πῶς γίνεται ἐκάστη, συνταχθεῖσα παρὰ τοῦ πρωτονοταρίου τῆς ἁγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας κυροῦ Δημητρίου τοῦ Γемιστοῦ. Ркп. патриар. каирск. библ. № 371 (48) л. 1—66; ркп. Патм. библ. № 49 и № 376.

5) См. книгу Барсова, Е. В., Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство. 1883 г. М.

6) Греческое происхождение чина новолѣтія доказано протоіереемъ К. Т. Никольскимъ въ его книгѣ: «О службахъ русск. церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ», стр. 110—113; слич. рецензію на эту книгу проф. Н. Ф. Красносельцева въ Христ. Чтен. за 1888 г. ч. II стр. 868—877.

товъ съ достаточною ясностію констатируется то положеніе, что въ нашей церкви когда-то дѣйствовалъ уставъ великой церкви. Положеніе это станетъ несомнѣннымъ, если мы укажемъ, что уставъ великой церкви константинопольской былъ переведенъ на славяно-русскій языкъ, и памятники этого перевода сохраняются и до настоящаго времени. Сдѣлать послѣднее не представляется для насъ дѣломъ невозможнымъ. Такъ, напримѣръ, въ «переписной книгѣ домової казны патріарха Никона», составленной 31 іюля 7166 = 1658 года бояриномъ княземъ А. Н. Трубецкимъ и др., значится между другими книгами и предметами «книга писана в дествъ, *правило Софѣйское старое*, писана по телятинѣ»¹⁾). Извѣстный ученый А. Поповъ въ рукописяхъ бібліотеки А. И. Хлудова нашель отрывокъ пергаментной рукописи XIII вѣка²⁾ съ слѣдующимъ весьма важнымъ для насъ заглавіемъ: «*Уставъ Великія Церкви святыя Софія списанъ боголюбивымъ архіепископомъ новгородскимъ Климентомъ*»³⁾). Въ этомъ отрывкѣ подробно изложены службы на первые тринадцать дней сентября мѣсяца, со всѣми особенностями устава великой константинопольской церкви. Наконецъ, въ числѣ рукописей Московской синодальной бібліотеки сохранился доселѣ полный пергаменный Требникъ XIV—XV в., № 371 (675), «съ русскимъ правописаніемъ», принадлежавшій нѣкогда патріарху Никону, который въ 7169 году пожертвовалъ его въ Воскресенскій монастырь въ Новомъ Іерусалимѣ⁴⁾). Въ Требникѣ этомъ, весьма сходномъ съ патріаршимъ греческимъ евхологіемъ XI в. кардинала Виссаріона въ Кристо-ферратской бібліотекѣ, содержатся исключительно чины и молитвословія, практиковавшіеся въ великой церкви константинопольской. Кристо-ферратскій Требникъ

1) Временникъ Император. Москов. Общества истор. и древност. російск. М 1852 г. кн. XV, отд. II, стр. 14.

2) Первое прибавленіе къ описанію ркп. и катал. книгъ церковн. печати библ. А. И. Хлудова. М. 1875 г. стр. 13.

3) Упоминаемый въ надписаніи этого устава «боголюбивый архіепископъ новгородскій Климентъ» († 1299 г.) былъ поставленъ въ епископы въ Кіевѣ, послѣ смерти въ 1274 году новгородскаго владыки *Долмата*. Онъ принималъ участіе и не безъуспѣшно въ усмиреніи мятежей новгородцевъ противъ князя Дмитрія въ 1281 году и противъ посадника новгородскаго Симеона Михайловича въ 1287 году, а также въ неоднократномъ построеніи въ Новгородѣ церквей. Его «стяжаніемъ» была написана и положена въ церкви Св. Софіи «на почитанье священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и себѣ на спасеніе души» Кормчая, нынѣ хранящаяся подъ № 132 въ М. синодальной бібліотекѣ.

4) Горскій и Невоструевъ, Описаніе славян. рукоп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, М. 1869 г. стр. 128—372.

былъ описанъ ученымъ Я. Гоаромъ ¹⁾ и въ послѣднее время А. Рокки ²⁾.

Итакъ, вотъ очевидные памятники переводовъ у насъ богослужебныхъ книгъ съ особенностями практики устава великой церкви. Если были переводы, то, слѣдовательно, въ нихъ на Руси чувствовалась потребность, при чемъ эта потребность, какъ свидѣтельствуя тѣ же факты, охватывала довольно значительный районъ нашей древнерусской территоріи. Уставомъ великой церкви пользовались не только въ митрополитанскомъ кафедральномъ соборѣ св. Софіи въ Кіевѣ, но его «списывали» для «церкви св. Софіи» въ Новгородѣ, несомнѣнно и въ Псковѣ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше мѣстъ посланій въ Псковъ митрополитовъ Кипріяна и Фотія, направленныхъ къ уничтоженію обычаевъ великой церкви константинопольской. Чины новолѣтія, *чинъ пещнаго дѣйства* и нѣкоторые другіе чины свидѣлствуютъ о томъ, что уставъ великой церкви регулировалъ богослужебную практику въ Вологдѣ, по всей вѣроятности, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Черниговѣ и въ другихъ городахъ. Господство этого устава было вытѣснено мало по малу сначала уставомъ въ редакціи патріарха Алексѣя, а потомъ окончательно іерусалимскимъ уставомъ. Отсюда понятна и прибавка «въ переписной книгѣ домовоі казны патріарха Никона», что писанное «по телятинѣ» «правило ³⁾ Софейское» было «старое», т. е. считалось въ XVII в. уже вышедшимъ изъ употребленія.

«*Чинъ* бываемый въ недѣлю св. Праотець или св. Отець *пещнаго дѣйства*» ⁴⁾, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь приступаемъ, хотя во всемъ своемъ объемѣ и составѣ, какъ онъ излагался въ нашихъ рукописяхъ XVI—XVII вѣковъ и какъ онъ былъ напечатанъ въ Москвѣ, и неизвѣстенъ намъ по греческимъ памятникамъ, тѣмъ не менѣе мы не сомнѣваемся въ византійскомъ происхожденіи его

1) *Euchologion sive Rituale Graecorum*. edit. 2. Venet. 1730 an.

2) *Codices Cryptenses seu abbatae Cryptae Ferratae in Tusculano*. Rom. 1884 an., pag. 235—244.

3) Достойно замѣчанія то обстоятельство, что этотъ списокъ «по телятинѣ» «старо» устава великой церкви называется «*правиломъ* Софейскимъ». Очевидно, этотъ уставъ былъ буквально переводомъ греческаго оригинала, носившаго такое надписаніе: «Κανὼν τῆς ἀγίας τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας ἀναγνώσεων, Πράξεων ἀποστόλων, προφητικῶν καὶ ἐκάστης ἀκολουθίας. Рки. Патм. библи. № 266 л. 186 об.

4) Кромѣ двухъ списковъ чина пещнаго дѣйствія — печатнаго и рукописнаго, приложенныхъ прот. К. Т. Никольскимъ къ его изслѣдованію объ этомъ чинѣ въ известной его книгѣ: «О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ» стр. 191—213, мы имѣли подъ руками еще списокъ этого чина XVI в., открытый въ одной рукописи Софійской библи. (нынѣ СПб. духовн. Акад.) профессоромъ Новороссійскаго университета Н.Θ. Красносельцевымъ, который о своей

главнѣйшихъ составныхъ частей и особенностей и считаемъ этотъ чинъ новымъ подтвержденіемъ того положенія, что въ древнѣйшую пору нашей церковно-религіозной жизни прочно держался въ богослужебной практикѣ уставъ великой константинопольской церкви, одну изъ особенностей котораго составлялъ и настоящій чинъ. Чтобы не быть голословнымъ, мы рассмотримъ каждую изъ особенностей «чина печнаго дѣйства», извѣстнаго намъ по русскимъ памятникамъ, выдѣливъ пока изъ него, на что, какъ увидимъ ниже, у насъ имѣются и свои особыя резонныя основанія, самый обрядъ возженія печи и вверженія въ нея трехъ отроковъ, входящій въ составъ утренняго богослуженія и соединяемый съ пѣніемъ седьмой и восьмой пѣсней канона. Такъ какъ весь «чинъ печнаго дѣйства» заключаетъ въ себѣ послѣдованіе вечерни, утрени и литургіи, то съ обзорѣнія особенностей этихъ послѣдованій мы и начнемъ наше изслѣдованіе.

Если Рождество Христово приходилось въ понедѣльникъ или во вторникъ, то «пещное дѣйство» совершалось въ недѣлю святыхъ праротецъ, а если тотъ же праздникъ падалъ на слѣдующіе дни недѣли, то «дѣйство» происходило въ недѣлю святыхъ отецъ.

Приготовленія къ этому «дѣйству»¹⁾, «съ благословенія у святителя», начинались съ предшествующей воскресенью среды, когда «пономари и звонцы» разбирали «большое паникадило, что *надъ амбономъ средь церкви*». Въ субботу «на обѣдни у святителя благословляются ключари *амбонъ* здвигнути смѣста, а на томъ мѣстѣ поставити пещь», что и исполнялось ими послѣ литургіи. «Амбонъ» убирался «за лѣвый клиросъ», а на его мѣстѣ, «противъ царскихъ дверей», ставилась «пещь»²⁾, около которой располагались «железные

находкѣ уже дважды заявлялъ передъ публикою (Русск. Филол. вѣсти. 1891 г. т. XXVI, стр. 120). Мы познакомились съ этимъ чиномъ въ спискѣ, который готовится ученымъ профессоромъ къ изданію въ свѣтъ и который любезно имъ предоставленъ былъ намъ для временнаго пользованія, при составленіи настоящаго «этюда». Считаю пріятнымъ долгомъ выразить при этомъ свою глубокую благодарность уважаемому профессору. Списокъ его даетъ нѣсколько весьма любопытныхъ вариантовъ, которые мы постараемся отмѣтить или въ общемъ изложеніи особенностей разсматриваемаго чина, или даже въ особыхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Чинъ XVI в., открытый проф. Красносельцевымъ, носитъ слѣдующее любопытное надписаніе: «чинъ, *егда аггелъ спущаютъ в' недѣлю святыхъ Физъ* пред. Рождствомъ Хртвымъ».

1) Изложеніе особенностей «чина» мы дѣлаемъ по всѣмъ извѣстнымъ намъ спискамъ его.

2) Пещь халдейская была «древянна рѣшетчата» (Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III, стр. 366) и дѣлалась русскими мастерами плотниками по образцу *амбонъ* (см. литературу по этому вопросу въ книгѣ пр. Никольскаго: «О службахъ въ русской церкви» стр. 183—185 прим. 2), которые въ древнее время, по обычаю церкви Св. Со-

шандаль» съ «витыми свѣчами». На желѣзномъ крюкѣ, на которомъ до этого времени находилось паникадило, вѣшалось пергаменное изображение «Ангела Господня», при помощи «ужища» или веревки изъ алтаря поднимаемое и опускаемое въ печь ¹⁾).

Звонъ къ вечерни былъ въ началѣ 6 часа и продолжался «народа ради» цѣлый часъ. Служащее святителю духовенство, «учитель отроческой ²⁾ со отроки ³⁾ и сподіяки ⁴⁾ и схалдѣи ⁵⁾ собираются въ «крес-

ѣи Константинопольской и въ силу господства у насъ ея устава, составляли неотъемлемую богослужебную принадлежность соборныхъ храмовъ. Въ виду этого видимаго сходства печи съ амвономъ, нѣкоторые ученые отождествляютъ объ эти богослужебныя принадлежности древне-русской церкви (тамъ-же) и думаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ амвонъ могъ замѣнять и халдейскую печь (Русск. Филол. вѣстн., 1891 г., т. XXVI, стр. 120). Хотя въ извѣстныхъ нынѣ въ печати чинахъ печнаго дѣйствія ясно различаются печь и амвонъ, но основанія для указанного отождествленія имѣются въ памятникахъ болѣе ранняго времени. Въ чинѣ печнаго дѣйствія, напр., по списку XVI в. относительно чтенія евангелія на литургіи въ недѣлю св. Отецъ говорится такимъ образомъ: «И какъ протодяконъ пойдетъ съ евангеліемъ *в амбон*, и два идутъ отроки напередъ протодякона, а третій позади, *а вамбоне* стануть два по сторонамъ, а третій противъ протодякона. И какъ прочтетъ протодяконъ евангеліе, и *исходятъ изъ печи* такжеже, а халдѣи стоятъ по странамъ шапки снем». Въ этомъ спискѣ ничего не говорится о пригословеніи печи предъ службою даннаго дня, ни о замѣнѣ печи амвономъ предъ началомъ чина литургіи. Изъ поцитованнаго мѣста даннаго списка, слѣдовательно, ясно, что амвонъ и печь здѣсь отождествляются, и амвонъ, смотря по обстоятельствамъ, исполняетъ и то и другое назначеніе. Такое отождествленіе амвона съ печію можно видѣть и въ «Уставѣ обрядовъ, совершавшихся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ около 1634 г.» (Русск. Истор. библ. Спб. 1876, т. III, стр. 40).

1) «Архангеловъ образъ, что надъ печнымъ дѣйствомъ», по словамъ приходо-расходныхъ книгъ Вологодскаго архіер. дома, «выкраивался, спивался и склеивался» изъ «двухъ кожъ аловишныхъ» (т. е. молодыхъ телушекъ), а потомъ «левкасился» изъ «росписывался иконникомъ» (Н. Суворовъ, Описание Вологодскаго кафедральнаго Софійскаго собора. Москва. 1863, стр. 137). «А какъ поставятъ *печи*», говорится въ Уставѣ Московскаго Успенскаго собора, «ключарь *для опыту и безъ людей* взойдетъ *на амбонъ* и ангела спускаетъ, чтобы прямо шоль *въ печь на главу ключарю*» (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 40). Послѣ заутрени «Ангела Господня сымутъ сверху и поставятъ его на уготованномъ мѣстѣ сохранно» (Соф. чинъ XVII в.), т. е. въ ризницѣ, или въ одномъ изъ предѣловъ храма. Въ описи Московскаго Успенскаго собора начала XVII в. читаемъ: «да въ томъ же придѣлѣ (т. е. Похвалы Богородицы) Ангилъ Господень написанъ *на харать*, что спускаютъ *его о Рожество Христовъ*» (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 364). По описи того же собора 1627 г. значатся «два Ангилъ писаны *на харать*, что спускаютъ *въ печное дѣйство*» (стр. 460), о которыхъ упоминаетъ и опись 1638 г. (стр. 545).

2) Роль «учителя отроческаго», по записямъ Вологодскаго архіерейскаго дома, исполнялъ *неоднократно* «уставщикъ, пѣвчей дякъ» Володимеръ Ивановъ (Н. Суворовъ. Опис. стр. 138).

3) Изъ Московскаго печатнаго чина печнаго дѣйствія ясно видно, что роль отроковъ, при совершеніи даннаго обряда, исполняли пѣвчіе, а именно: *домественникъ* (Ананія), *вершникъ* (Мисило) и *нижникъ* (Азарія). (К. Т. Никольскій, О службахъ въ русской церкви, стр. 194, 196).

4) Подіяки — пѣвчіе, или низшіе чины клира.

5) Нѣсколько труднѣе опредѣлить, кто исполнялъ обязанности халдеевъ. Судя по

товую полату» епископа и облачаются «отроки» въ «стихари¹⁾ и въ вѣнцы»²⁾ или «въ отроческія шапки», халдеи — «въ халдейское платье»³⁾ и въ турики или шеломы⁴⁾, а подяки — «въ свои стихари», послѣ чего идутъ всѣ «въ сѣни предъ крестовую кѣлью» и здѣсь ожидаютъ выхода святителя «издохожнихъ кѣлей». По выходѣ святителя одинъ изъ халдеевъ идетъ въ «крестовую кѣлью», за нимъ отроки и затѣмъ другой халдей, «держаче трупки сплавучею травою⁵⁾ и свѣчи возжены и пальмы⁶⁾ въ рукахъ своихъ». Первый халдей говоритъ: «Владыко благослови», второй добавляетъ: «И помолися». Архіерей

тому, что халдеи не всегда приглашались «на погребъ» и, при «славленіи» «послѣ пещново дѣйства», получали отъ владыки ничтожные дары, а во время стола патріарха или митрополита не удостоивались никакого «потѣшенія», перепадавшего лишь на долю отроковъ, нужно думать, что это были ни больше ни меньше, какъ церковные сторожа, служители при церкви, хорошо обученные, какъ нужно было «искусно» пасть плаунъ травою во время обряда.

1) Отроческіе стихари дѣлались изъ «тонкова полотна», по всей вѣроятности, бѣлаго цвѣта, съ «оплечьями» и съ «перерукавьями» изъ «бархатѣ и цвѣтные травчатые», съ «источниками» изъ «тасемъ», на «подпушкѣ» или подкладкѣ изъ «крапинены». (Н. Суворовъ, Опис. Вологод. каведр. Соф. собора, стр. 136).

2) Вѣнцы или шапки отроковъ приготовлялись изъ кожи, левкасили и золотились иконникомъ, «опушались заечинами и горносталями» и наверху украшались мѣдными литыми крестами (Суворовъ, стр. 136—137).

3) На обыкновенномъ языкѣ халдейское платье называлось «юпою» и дѣлалось изъ «сукна летчины красные» или «червчатые» съ оплечьями изъ «выбойки» (тамъ же, стр. 136).

4) Такъ называются халдейскія шапки въ чинѣ пещнаго дѣйствія. Судя по записямъ Вологодскаго архіерейскаго дома, эти шапки приготовлялись изъ того же матеріала, какъ и отроческія, но, по всей вѣроятности, матеріалъ на нихъ шелъ нѣсколько низшаго сорта или достоинства (тамъ же). Существеннымъ отличіемъ этихъ шапокъ отъ отроческихъ служило отсутствіе на нихъ мѣднаго литого креста.

5) Плаунъ трава (*Lycorodium clavatum*), употреблявшійся при совершеніи обряда пещнаго дѣйства, отличается необходимыми въ данномъ случаѣ качествами легко воспламеняться и производить эффектъ сильнаго пламени, которое могло бы напоминать зрителямъ о пламени въ печи Вавилонской.

6) Мнѣніе о томъ, что пальмы вырѣзывались изъ дерева (Суворовъ, Описан., стр. 137; К. Т. Никольскій, О службахъ въ русской церкви, стр. 186), мы не раздѣляемъ и полагаемъ, что въ данномъ случаѣ употреблялись настоящія финиковыя пальмы, вправленные лишь въ «булавы». Подобныя пальмы и въ значительномъ количествѣ хранились въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора и значатся въ его описяхъ (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 504, 545, 562, 914). Объ одной изъ такихъ пальмъ дается прямо знать, что она была въ богослужебномъ употребленіи и именно, при обрядѣ пещнаго дѣйства, такъ какъ записана въ «описи» послѣ «2 ангеловъ», спускаемыхъ въ «пещное дѣйство». Въ описи читаемъ: «*Валя финикова, рукоядѣ обложена бархатомъ краснымъ*» (тамъ же, стр. 545). Такія пальмы, доставляемыя къ намъ въ Россію съ востока, могли для большей красоты краситься и золотиться (Суворовъ, Описаніе Вологод. Соф. собора, стр. 137). Образчики старинныхъ пальмъ, употреблявшихся въ нашемъ богослуженіи, можно видѣть въ Киевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, въ коллекціи иконъ покойнаго А. Н. Муравьева.

на это отвѣчаетъ чтеніемъ: «Достойно есть» и отпустомъ, послѣ котораго раздаетъ зажженные свѣчи отрокамъ. «Учитель отроческой» произноситъ: «Хвалите, отроцы, Господа, хвалите имя Господне»¹⁾, епископъ прибавляетъ: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка». Отроки поютъ: «Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ» и всѣ направляются «к Софѣи къ вечерни» въ такомъ порядкѣ: сначала идутъ по три въ рядъ безъ свѣчей «подѣяки», за ними «подіакъ» съ лампадою и два другіе съ «большими свѣчами», далѣе отроки «съ тройными свѣчами», по бокамъ коихъ находятся халдеи, потомъ духовенство и, наконецъ, епископъ. При входѣ въ церковь, первый халдей говоритъ: «Владыко благослови», второй — прибавляетъ: «И помолися». Епископъ становится «на святительское мѣсто» посрединѣ храма, противъ котораго отроки поютъ: «Преосвященному сысполайти». Подѣяки стоятъ «отъ печи съ правые страны лицомъ къ святителю». Епископъ дѣлаетъ обычные поклоны съ чтеніемъ: «Достойно есть» и благословляетъ народъ. Послѣ этого, поклонившись епископу, отроки и подѣяки уходятъ въ алтарь сѣверными дверями, а халдеи становятся предъ алтаремъ. Выходитъ изъ алтаря «поскору царскими вратъ» протодіаконъ и, «ставъ у печи на степени», произноситъ: «Благослови владыко», протопопъ отвѣчаетъ изъ алтаря: «Благословенъ Богъ нашъ» и начинается вечерня. Подобнымъ образомъ совершается выходъ архіерея къ утрени и на литургію съ тою лишь разницею, что, во время пути къ заутрени, отроки поютъ стихъ: «Яко же заповѣда намъ, да благо намъ будетъ», а къ литургіи — стихъ: «И яко песокъ вскрай моря».

Не имѣя прямаго оригинала настоящаго чина въ практикѣ греческой церкви, мы не можемъ указать происхождение всѣхъ подробностей и частныхъ его, имѣющихъ характеръ исключительный, но особенности даннаго выхода къ богослуженію архіерея, такъ сказать, общаго характера, несомнѣнно тѣ же самыя, которыя мы находимъ въ обычномъ уставѣ великой церкви. Въ извѣстномъ намъ по рукописи XV в. русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ чинѣ вечерняго, утренняго и литургійнаго богослуженія или «Τάξις, γινομένη ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἐπὶ τε τῷ ἑσπερινῷ, τῷ ὄρθρῳ, τῇ θείᾳ καὶ ἱερᾷ λειτουργίᾳ καὶ ἐπὶ τῇ χειροτονίᾳ τοῦ ἐπίσκοπου» мы читаемъ слѣдующее описаніе выхода митрополита къ вечернему богослуженію: «Τῷ σαβ-

1) Въ чинахъ XVI в. и печатномъ объ этомъ возгласеніи «отроческаго учителя» и объ отвѣтѣ на него епископа не говорится.

βάτω ἐσπέρα, μετὰ τὸ συναχθῆναι τὸν κλῆρον, ἀπέρχονται εἰς τὸ κελλίον τοῦ μητροπολίτου, καὶ λαμβάνει τὸ μονοβάμβουλον ὁ ὀστιάριος, εἰ ἔνι, εἰ δὲ μή, ἕτερός τις τῶν ἐκκλησιαστικῶν¹⁾, καὶ ἄπτει τὴν λαμπάδα, καὶ προπορευομένου τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ ἔμπροσθεν τοῦ ἀρχιερέως, εἰσέρχεται ὁ ἀρχιερεὺς εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ προσκυνεῖ μέσον τῆς ἐκκλησίας ἱσταμένος, ἔπειτα ἀσπάζεται τὴν εἰς τὸ μέσον τοῦ ναοῦ ἱσταμένην ἁγίαν εἰκόνα καὶ ἀνέρχεται εἰς τὸ στασιδεῖον αὐτοῦ, καὶ ψάλλουσιν ἐκ τρίτου οἱ κληρικοὶ μετὰ τὸ ἀνελθεῖν αὐτὸν ἐκεῖσε τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε, μετὰ μέλους. Μετὰ δὲ τὸ συμπληρωθῆναι τοῦτο παρ' αὐτῶν, ἐπευλογεῖ αὐτοὺς ἐκ τρίτου ὁ ἀρχιερεὺς, ἐπιφωνούντων αὐτῶ τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα. Εἶτα γίνεται ἔναρξις τῆς ἀκολουθίας, τοῦ μὲν διακόνου ἐκφωνοῦντος τὸ Εὐλόγησον δέσποτα, τοῦ δὲ ἱερέως ἡ Εὐλογητὸς ὁ Θεός, ἡ Εὐλογημένη ἡ βασιλεῖα²⁾.

Если замѣнить въ данномъ чинѣ остіарія и церковниковъ съ лампадами дяками, а клириковъ или пѣвцовъ — отроками и «отроческимъ учителемъ», двухъ человѣкъ изъ народа одѣтъ «въ халдейское платье» и «турики» или «шоломы», въ уста пѣвцовъ вложить тѣ пѣнопѣнія, какія положено пѣть отрокамъ на пути въ церковь, то тожество между обоими чинами получится полное. Всѣ остальные обряды не представляютъ никакой разницы въ обоихъ чинахъ.

Вечерня до выхода происходила обычнымъ порядкомъ. Во время догматика совершается выходъ. Впереди идетъ халдеѣ съ «халдейскою свѣчю», за нимъ отроки, потомъ другой халдеѣ, далѣе «подіакъ» со свѣчю, «діакони градскіе», «отъ соборовъ десятскіе», «протопопъ и священники соборные и градскіе» — «отъ соборовъ старосты». Отроки становятся противъ архіерейскаго мѣста, имѣя по сторонамъ халдеевъ, а «подіакъ» со свѣчю у царскихъ вратъ. Остальные лица, послѣ совершенія входа, направляются въ алтарь, куда, поклонившись владыкѣ, удаляются и отроки, а халдеѣ становятся на прежнее мѣсто. «Подіакъ же меньшая станица» за пещью, посрединѣ церкви, поютъ: «Святые славы»³⁾, послѣ чего слѣдуетъ прокимень: «Господь воцарися», который произносить «подіакъ». «Пѣвчіе діакы поютъ прокимень тройной по дважды на клиросехъ, таже подіакы поютъ большая

1) На выходѣ къ утрени лампаду несутъ архіерейскіе люди (οἱ ἀνθρωποι τοῦ ἀρχιερέως).

2) Ркп. библ. русскаго Андреевскаго скита на Афонѣ (безъ номера) л. 322 об.

3) Объясненіе причины, почему гимнъ: «Свѣте тихій» начинали у насъ въ древности со словъ: «Святые славы», см. въ нашей книгѣ: «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в.», ч. I, стр. 15.

станѣца за пешцію, посредѣ церкви, прокименъ демественной¹⁾). Остальная часть вечерняго богослуженія совершается обычнымъ порядкомъ.

Если мы теперь обратимся къ тому же чину вечерни, по уставу великой церкви, то всѣ особенности описаннаго момента мы найдемъ въ немъ. «Εἰς δὲ τὸ Δόξα, говорится въ этомъ чинѣ, ἐνδύονται οἱ ἱερεῖς ἐντὸς τοῦ βήματος τὰ φαινόλια αὐτῶν καὶ οἱ διάκονοι, καὶ ἐξέρχονται ἀπὸ τοῦ μέρους τῆς προθέσεως, καὶ ἀπέρχονται πλησίον τῶν ὠραίων πυλῶν τοῦ ναοῦ καὶ στιχηρὸν στάντων τῶν ἱερέων καὶ τῶν διακόνων ἐκεῖσε, κατὰ τάξιν, πορεύεται ὑποδιάκονος, κρατῶν θυμιατήριον καὶ манουάλια δύο, ἐνδεδυμένος καμμύσιον, καὶ τὰ μὲν манουάλια τίθησιν ἔμπροσθεν αὐτῶν περὶ τὰ μέσα, τὸ δὲ θυμιατήριον δίδωσι τῷ δευτερεύοντι τῶν διακόνων, αὐτὸς δὲ ἀπέρχεται καὶ ἵσταται ὀπισθεν μεταξύ τοῦ τε πρώτου τῶν ἱερέων καὶ τοῦ δευτερεύοντος τῶν διακόνων. Καὶ ἡνίκα πληρωθῆ τὸ στιχηρὸν, ἐκφωνεῖ ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων, μικρὸν προβάς τὸ Σοφία ὀρθοί, σφραγίζων σταυροειδῶς μετὰ τοῦ θυμιατηρίου, καὶ ἀπέρχονται οἱ ἔσχατοι διάκονοι καὶ λαμβάνουσι τὰ манουάλια, καὶ προπορεύονται τῆς εἰσόδου, καὶ γίνεται ἡ εἰσόδος μέχρι καὶ ἐντὸς τοῦ ἁγίου βήματος. Ὁ δὲ ὑποδιάκονος ὑποστρέφει ἀπὸ τοῦ μέρους, ὅθεν ἐξῆλθεν ἡ εἰσόδος, καὶ εἰσέρχεται καὶ αὐτὸς ἐκεῖθεν εἰς τὸ ἅγιον βῆμα. Ἐν ὅσῳ δὲ ἔρχεται ἡ εἰσόδος, προπορεύεται μετὰ τοῦ θυμιατηρίου ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων καὶ ἵσταται ἔμπροσθεν τοῦ στασιδεῖου τοῦ ἀρχιερέως καὶ θυμιατῆ αὐτόν, εἶτα ἀπέρχεται καὶ ἐνοῦται τοῖς ἱερεῦσι, καὶ πρῶτος οὗτος εἰσέρχεται αὐτὸς τὴν солаіαν, καὶ οὕτω τελεῖται τὰ τῆς εἰσόδου. Ψαλλομένου δὲ μετὰ ταῦτα τοῦ προκειμένου παρὰ τοῦ δομεστίку ἢ τοῦ λαοσυνάκτου ἐν τῷ ἄμβωνι, συνόντων αὐτῷ καὶ συμψαλλόντων καὶ τῶν ψαλτῶν, κάθηται ὁ ἀρχιερεὺς καὶ οἱ εὐρεθέντες ἐκεῖσε ἐπίσκοποι, κάθηνται δὲ ὁμοίως καὶ ἐξωκατάκοιλον» (т. е. первые шесть диаконовъ: великій эконоμъ, великій сакелларій, великій скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеллій и протекдикъ).

По окончаніи вечерни, отроки съ халдеями подходятъ къ «святительскому мѣсту», сюда же приходятъ и «подіяки» съ лампадою и со свѣчами, и всѣ вмѣстѣ кланяются епископу и провожаютъ его въ крестовую палату въ томъ порядкѣ, въ какомъ они шли къ вечерни.

1) О пѣніи: «Святѣя славы» и прокимна, по обычаю церкви константинопольской, говорится только въ одномъ чинѣ XVII в. въ рукописи Новгородскаго Софійскаго собора.

2) Ркп. библ. Андреевскаго скита на Аѳонѣ, л. 322 об. — 323.

Во время пути, послѣ вечерни, отроки поютъ стихъ: «И на градъ святыи» съ припѣвомъ, послѣ утрени — стихъ: «Студъ и поношеніе быхомъ рабомъ твоимъ чтущимъ Тя» и послѣ литургіи — стихъ: «И даждь славу имени Твоему», или «Яко во тмахъ агнецъ тучень» съ припѣвомъ. При входѣ въ «крестовую келью», первый халдей произноситъ: «Владыко благослови», второй добавляетъ: «И помолися». Отроки поютъ «входъ по обычаю», т. е. «Святѣйшему патриарху московскому и всея Руси, да Исполайти деспота». Если же митрополитъ, то многолѣтствуютъ его¹⁾. «Подіяць» съ лампадою и со свѣчами становятся въ крестовой по лѣвую сторону отроковъ и вмѣстѣ съ послѣдними, послѣ окончанія входнаго, дѣлаютъ поклонъ архіерею и уходятъ. Архіерей читаетъ «Достойно есть», совершаетъ обычный отпустъ и, благословивъ всѣхъ, удаляется въ свои покои, а духовенство или «власти» возвращаются домой. Отроки, учитель отроческой и халдеи имѣютъ столъ «въ ключѣ и всходъ на погребъ», а «діяки пѣвчіе и подіяки» — «только всходъ на погребъ».

Въ чинѣ вечерни, по уставу великой церкви, окончаніе ея и вообще всѣхъ службъ изложено слѣдующимъ образомъ: «Μετὰ δὲ τὴν συμπλήρωσιν τῆς ἀκολουθίας, ψάλλουσιν ἅπαντες ἑμοῦ τὸ Στερέωσον, ὁ Θεός, τοὺς βασιλεῖς ἡμῶν, ναί, Κύριε, εἰς πολλὰ ἔτη, διαφύλαττε τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν· ἔτι δὲ καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε. Καὶ συμπληρωθέντος τούτου, δοξάζει ὁ ἀρχιερεὺς, καὶ γίνεται ἀπόλυσις ἀπὸ τοῦ ιερέως· εἶτα ψάλλουσι συνήθως πάλιν οἱ κληρικοὶ μεγαλοφώνως τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι, ὁ Θεός, τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν εἰς πολλὰ ἔτη, καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε. Καὶ μετὰ τοῦτο εὐλογεῖ αὐτοὺς ἐκ τρίτου ὁ ἀρχιερεὺς, ἐπιφωνούντων κάτωθεν πάντων τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, καὶ κατέρχεται ἀπὸ τοῦ στασιδαίου αὐτοῦ, καὶ προπορευομένων τῶν κληρικῶν μετὰ τοῦ μονοβαμβούλου, ὡς καὶ τὴν ἀρχήν, ἀτέρχεται μέχρι καὶ τοῦ κελλίου αὐτοῦ· κάκεισε συνήθως τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ εἰπόντος τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, ὁ ἀρχιερεὺς εὐλογεῖ αὐτοὺς ἅπαξ καὶ ἀπολύει. Τοῦτο ποιεῖ ὁμοίως καὶ ὅτε ἐξέρχεται τοῦ κελλίου αὐτοῦ πρὸς τὸ εἰς ἐκκλησίαν ἐλθεῖν, ἤτοι τῷ σαββάτῳ ἑσπέρα, τῇ κυριακῇ πρῶτῃ καὶ κατὰ τὰς ἐπισήμους τῶν ἑορτῶν²⁾.

1) По чину XVI в., послѣ вечерни многолѣтствуется и князь въ такой формулѣ: «Дай, Господи, здрав былъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ на многіе лѣта». Подобное многолѣтіе говорится и послѣ другихъ службъ.

2) Ркп. Андреевскаго русскаго скита л. 323.

Такимъ образомъ, всѣ особенности въ концѣ службъ недѣли св. отецъ находятъ для себя основаніе въ практикѣ великой константинопольской церкви.

Благовѣсть къ заутрени начинался «за 6 часовъ дни» и продолжался «народа ради» цѣлый часъ. Послѣдованіе его, кромѣ самаго обряда «пещнаго дѣйства», до пѣнія великаго славословія совершалось обычнымъ порядкомъ, если еще не принимать во вниманіе той особенности, что евангеліе воскресное этого дня читалось не предъ канонемъ, а послѣ славословія. «Егда же приспѣетъ время славословію», читаемъ въ чинѣ пещнаго дѣйства, «подіакомъ же поющимъ «Преблагословенную» и славословіе въ пещи, и егда учнутъ пѣти послѣднюю статью: «Господи прибѣжище бысть намъ», тогда идутъ на выходъ два халдѣи свыносными свѣщами вкупѣ, и потомъ отроки со свѣщами, таже *протодіаконъ со евангеліемъ* и протопопъ и священницы по чину. И пришедъ отроки и халдѣи предъ святительское мѣсто и поклонятся святителю и стоятъ предъ святительскимъ мѣстомъ, дондеже скончаютъ славословіе¹⁾. Егда же пропоютъ подіаки славословіе, и идетъ первый халдѣй отъ святительскаго мѣста къ пещи и по немъ отроки и другій халдѣй. Таже идутъ въ пещь отроки Ананія, Азарія и потомъ протодіаконъ со евангеліемъ и протопопъ и по нихъ идетъ въ пещь Мисайло. Протодіаконъ же полагаетъ святое евангеліе на налогъ и сходитъ испещи, и стануть отроки въ пещи вси вкупѣ у налога противъ протопопа, а халдѣи стануть по странамъ пещи, снемъ соборя турики. *А прокименъ сказываетъ подіакъ, стоя у царскихъ дверей.* Егда же *прочтетъ протопопъ евангеліе*²⁾, и идутъ испещи отроки Ананія, Азарія, таже протопопъ со евангеліемъ и потомъ Мисайло. И стануть отроки предъ святителемъ по прежеуказанному и поклонятся святителю вкупѣ. По прочтеніи же евангелія, халдѣи воздѣваютъ на себе турики³⁾. *И пришедъ предъ святителя протопопъ со евангеліемъ и, поклоняся святителю, приноситъ святое евангеліе, святитель же цѣлуетъ святое евангеліе и благословитъ рукою про-*

1) Въ чинѣ XVI в. прибавлено: «и стоятъ дондеже скончаютъ славословіе и три-святое и прокимен, и тогда входятъ въ пещь предъ протопопомъ».

2) «По славословію», говорится въ уставѣ обрядовъ Московскаго Успенскаго собора, «читутъ евангеліе въ пещи воскресное отъ 20 дни декабря, или отъ пещнаго дѣйства до генваря по 14 день, или по первую недѣлю по Крещеніи» (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 40).

3) Халдеи возглашаютъ при этомъ, какъ замѣчаетъ печатный чинъ: «Великъ Богъ христіанскій».

топопа, протопопъ же цѣлуеть въ руку святителя и отходитъ паки отъ мѣста со евангеліемъ и, поклонся святителю, отходитъ волтарь и полагаетъ евангеліе на престолѣ. А отроки и халдѣи такоже поклонятся святителю, и идуть волтарь сѣверными дверми отроки».

Данный моментъ утрени, по нашему чину пешнаго дѣйствія, представляетъ во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ и основныхъ особенностяхъ воспроизведеніе особенностей практики великой церкви. Вотъ какъ описывается онъ въ чинѣ великой церкви: «Εἰς δὲ τὴν μεγάλην δοξολογίαν γίνεται ἡ εἴσοδος πάλιν, ὡσπερ εἶρηται ἐν τῷ ἑσπερινῷ. Ψαλλόντων τῶν ἱερέων τὸ Ὑπερευλογημένη ὑπάρχεις, μέχρι τέλους, πλὴν εἰς τὴν τοιαύτην εἴσοδον, ἔμπροσθεν τῶν μανουαλίων προπορεύεται ἀναγνώστης μετὰ φαινολίου μεταξωτοῦ, κρατῶν ἐν ταῖς χερσίν αὐτοῦ σταυρόν μέγαν, καὶ ὁ μὲν ἀναγνώστης μετὰ τοῦ σταυροῦ ἴσταται μέσον τῶν μανουαλίων. Ὅταν δὲ ὑποστρέψωσιν εἰς τὸ βῆμα, αὐτὸς προπορεύεται καὶ ἔρχεται μέχρι, καὶ ἐκτὸς τῆς σολαίας καὶ ἴσταται ἐκεῖσε. Εἰσελθόντων δὲ τῶν ἱερέων ἐντὸς τοῦ βήματος, ἀνέρχεται ἀναγνώστης μέχρι δύο βαθμίδων τοῦ ἄμβωνος καὶ λέγει μετὰ μέλους τὸ Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ. Πληρωθείσης δὲ τῆς μεγάλης δοξολογίας ἐντὸς τοῦ βήματος παρά τε τῶν ἱερέων καὶ τῶν διακόνων, ἀνέρχεται πάλιν ὁ αὐτὸς ἀναγνώστης καὶ ψάλλει μετὰ μέλους τὸ Ψαλμὸς τοῦ Δαβὶδ, εἶτα τὸ Ἀνάστηθι, Κύριε, καὶ τοὺς λοιποὺς στίχους. Καὶ κατέρχεται ὁ τοιοῦτος ἀναγνώστης, καὶ ἀνέρχεται ὁ δομέστικος ἢ ὁ λαοσυνάκτης μέχρι καὶ τριῶν βαθμίδων τοῦ ἄμβωνος καὶ ψάλλει μετὰ τῶν λοιπῶν ἀναγνώστῶν τὸ προκειμένον, ἀλλὰ δὴ καὶ ψάλλει ὁ δομέστικος ἐπὶ τὰ τέλη ἡχίσμα. Ἐν ὅσῳ δὲ ψάλλει τὸ τοιοῦτον προκειμένον ὁ δομέστικος, ἐξέρχεται δύο ἀναγνώσται μετὰ μανουαλίων καὶ δύο διάκονοι, ὀπισθεν δὲ τούτων ἔρχεται ὁ ἱερεὺς, κατέχων ἐν ταῖς χερσίν αὐτοῦ τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον, ἐνδεδυμένος τὴν ἱερατικὴν ἅπασαν στολὴν, καὶ ἀνέρχεται ἐπὶ ἄμβωνος ἀπὸ τοῦ ὀπισθεν μέρους καὶ κάθηται μετὰ τῶν διακόνων μέχρις ἂν πληρώσωσιν οἱ ἀναγνώσται μετὰ τοῦ δομεστικού το προκειμένον καὶ τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν, καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα. Ἦνικά δὲ λέγουσι τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι καὶ τὰ ἐξῆς, ἀνίσταται ὁ ἱερεὺς καὶ οἱ διάκονοι· καὶ οἱ μὲν διάκονοι κατέρχονται μέχρι βαθμίδων τριῶν, οἱ δὲ ἀναγνώσται μετὰ μανουαλίων ἴστανται εἰς τὴν δευτέραν βαθμίδα, καὶ ἐπάνω τούτων τίθησι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον ὁ ἱερεὺς. Καὶ λέγει ἀπὸ τοῦ ἁγίου βήματος ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων τὸ Σοφία ὀρθοὶ ἀκούσωμεν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου. Καὶ ὁ ἱερεὺς τὸ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ὄνομα καὶ ἐξῆς τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον. Καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τούτου, ἐπαίρει ὁ εἰς τῶν διακόνων τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον καὶ ἀπέρχεται εἰς

τὸν ἀρχιερέα, καὶ ἀσπάζεται τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον, καὶ εὐλογεῖ αὐτόν, ὁ δὲ ἱερεὺς ἵσταται εἰς τὴν ἐσχάτην βαθμίδα τοῦ ἁμβωνοῦ καὶ προσμένει μέχρις ἂν ἔλθῃ ὁ διάκονος. Καὶ ἀφ' οὗ ἔλθῃ οὗτος, εἰσέρχεται πρῶτον ὁ ἀναγνώστης μετὰ τοῦ σταυροῦ ἐντὸς τοῦ ἁγίου βήματος, εἶθ' οὕτως οἱ ἀναγνώσται, ὁ κατέχων τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον διάκονος καὶ ὁ ἱερεὺς»¹⁾).

Въ нашемъ чинѣ утрени, такимъ образомъ, не говорится лишь о выносѣ большого креста и о пѣніи великаго славословія священниками внутри алтаря, вмѣсто которыхъ дѣлають то же «подіаки». Что же касается прокимна и обрядовъ, при этомъ практикуемыхъ, то о нихъ нашъ чинъ говоритъ кратко, а поэтому нелишне припомнить здѣсь правило митрополита Іоанна II, о которомъ у насъ была рѣчь выше. Изъ этого правила видно, что данный моментъ утрени въ древне-богослужебной практикѣ нашей церкви ничѣмъ не различенъ отъ практики церкви константинопольской.

Послѣ утрени и проводовъ архіерея въ свои покои, «на учителя и на отроковъ, и на пѣвчихъ діяковъ обоихъ ликовъ, и на подіаковъ, и халдѣевъ бываетъ *ранней столъ* въ ключѣ и всходъ на погребъ»²⁾).

Въ промежутокъ времени между заутренею и литургіею, къ которой начинали звонить въ половинѣ втораго часа дня, т. е. около 8 часовъ, разбирали печь и ставили на ея мѣсто снова амвонъ, «мѣстныя иконы» размѣщали на своихъ мѣстахъ и мели церковь.

Выходъ и встрѣча архіерея предъ литургіею совершались обычнымъ порядкомъ, какъ уже нами описано. Облачался архіерей, согласно съ практикою великой церкви, на «своемъ мѣстѣ», въ стасидіѣ, посрединѣ церкви. Въ это время «подіаки» на амвонѣ пѣли «воскресный стихъ», а отроки, халдеи и подіакъ съ лампадою стояли предъ архіерейскимъ мѣстомъ. По облаченіи, протодіаконъ съ діаконами дѣлали три поклона передъ царскими дверями и одинъ поклонъ архіерею, который благословлялъ ихъ. Протодіаконъ громогласно произносилъ: «Исполайти деспота» три раза, на что отроки отвѣчаютъ: «преосвященному съ многолѣтіемъ» и «поють рѣку вавилонскую»³⁾ первую статью, и пропѣвъ отроки, поклонся святителю, отходятъ волтарь, а халдеи оставляются предъ олтаремъ. Таже поють подіаки меньшая

1) Ркп. библ. Андреевск. скита на Аѳонѣ, л. 323 об. — 324.

2) Въ чинахъ—XVI в. и печатномъ о столѣ для отроковъ и халдеевъ совершенно умалчивается.

3) О пѣніи псалма 136 въ чинѣ XVI в. не говорится; нѣтъ упоминанія даже и объ антифонахъ, положенныхъ по печатному чину.

станица противъ святителя вторую статью рѣки вавилонскіе: «Аще ты забуду Іерусалимъ». И потомъ поютъ подіаки большая станица третью статью: «Глаголющая: истощайте».

Не имѣя греческаго оригинала нашего полнаго «чина пещнаго дѣйства», мы не рѣшаемся сказать, откуда у насъ появилось пѣніе «рѣки вавилонской» или 136 псалма, но несомнѣнно, что отмѣченныя въ данномъ мѣстѣ три «статьи» его замѣняютъ три антифона, которые поются на обычной литургіи. Въ печатномъ «чинѣ пещнаго дѣйства» нѣтъ указанія «на рѣку вавилонскую», но общё говорится: «*антифоны* же и апостоль чтетъ опричной подіакъ». Что же касается остальныхъ особенностей, то всѣ онѣ византійскаго происхожденія и даже не чужды современному намъ чину архіерейской литургіи.

Малый выходъ съ евангеліемъ во многомъ сходенъ съ выносомъ евангелія на утрени, послѣ великаго славословія. Во время этого выхода, оба халдея шли впереди съ «выносными свѣщами», за ними отроки со свѣщами, потомъ діаконы и далѣе два «подіаки благословлящими свѣщами». Послѣ поклона архіерею, всѣ они становились предъ его мѣстомъ. Евангеліе приноситъ «физничей» и передаетъ протодіакону, который, принявъ его изъ рукъ перваго, вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ поклонъ святителю; затѣмъ ризничій снимаетъ съ архіерея «шпакку», а протодіаконъ подаетъ послѣднему для цѣлованія евангеліе, причемъ епископъ благословляетъ его рукою, и, провозгласивъ: «Премудрость прости», уноситъ евангеліе въ алтарь. Впереди евангелія съ «благословлящими свѣщами» идутъ «подіаки» до царскихъ дверей и здѣсь останавливаются. Два архимандрита съ поклономъ берутъ архіерея подъ руки и сводятъ его съ стасидіи. Архіерей, въ предшествіи подіака съ лампадою, отроковъ и халдеевъ, направляется въ алтарь; «подіакъ» съ лампадою, Ананія и Азарія становятся передъ царскими дверями на правой сторонѣ, а Мисаиль — на лѣвой сторонѣ. Здѣсь, по обѣимъ сторонамъ, стоятъ и халдеи. По входѣ въ алтарь епископа, отроки и подіаки, сдѣлавши поклонъ передъ царскими дверями, удаляются черезъ сѣверныя двери въ алтарь и, ставъ за престоломъ предъ святителемъ, поютъ: «Исполайти тройную», а епископъ въ это время кадитъ алтарь «по чину».

Въ чинѣ литургіи, по уставу великой церкви, этотъ входъ описывается съ тѣми же подробностями, конечно, лишь безъ упоминанія объ отрокахъ и халдеяхъ. *Καὶ ὁ μὲν διάκονος*, говорится здѣсь, *φέρει ἔμπροσθεν τοῦ στήθους τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον, ὁ δὲ ἱερεὺς ἔπεται τοῦτω οὕτως*,

προπορεύονται δὲ τούτων ἔμπροσθεν ἀναγνώσται μετὰ μανουαλίων· καὶ οἱ μὲν ἀναγνώσται ἰστάσι τὰ μανουάλια εἰς τὸν τεταγμένον τόπον καὶ ἀπέρχονται, ὁ δὲ διάκονος δίδωσι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον τῷ δευτερεύοντι τῶν διακόνων· καὶ ἀσπάζεται αὐτὸ ὁ ἀρχιερεὺς εἰς τὰς χεῖρας αὐτοῦ, καὶ μετὰ τὸ ἀσπασασθαι αὐτό, εὐλογεῖ τὸν ἱερέα τὸν ποιήσαντα τὴν ἑναρξίν... Τότε μικρὸν προβάς τῆς στάσεως τῆς εἰσόδου ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων, ἢ μὴ ὄντος τοῦ τοιοῦτου, ἕτερος τῶν διακόνων λέγει μεγαλοφώνως, ἐγκαράπτων καὶ σταυρὸν μετὰ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου τὸ Σοφία ὀρθοί. Τότε ἀπέρχονται οἱ ἔσχατοι διάκονοι, ἐπαίροντες τὰ μανουάλια, καὶ γίνεται ἡ εἴσοδος, πορευόμενοι δύο δύο. Ὅτε δὲ κινήσῃ ὁ ἀρχιερεὺς, ὄντων τῶν ἀναγνωστῶν παρ' ἑκάτερα τὰ μέρη τούτου, λέγουσι τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, πλὴν φθέγγονται τοῦτο ἐκ τρίτου μέχρις ἂν ἔλθῃ εἰς τὴν σολαίαν... Καὶ ψαλλόντων τὸ ἀπολυτίκιον τοῦ κατὰ τὴν ἡμέραν ἁγίου, θυμιᾷ ὁ ἀρχιερεὺς γύρωθεν τὴν ἁγίαν τράπεζαν¹⁾.

Трисвятное, согласно съ практикою константинопольской церкви²⁾, поютъ отроки и подіаки «запрестольное-домешвенное», стоя предъ архіереемъ, находящимся на горнемъ мѣстѣ. Послѣ апостола³⁾ «аллилуйя полскока» поютъ на амвонѣ діаки—«меньшая станица», а вообще литургію поютъ «демешвенную» на оба клироса пѣвцы.

Выносъ евангелія протодіакономъ на амвонъ для чтенія совершался такимъ образомъ. Сначала идетъ халдей съ «выносною» зажженною свѣчею, за нимъ отроки со свѣчами, вышедшіе за нѣсколько времени предъ гѣмъ изъ алтаря черезъ сѣверныя двери, далѣе второй халдей съ такою же свѣчею и, наконецъ, протодіаконъ съ евангеліемъ. Отроки Ананія и Азарія съ протодіакономъ восходятъ на амвонъ, а за ними туда поднимается и Мисаиль, и становятся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Халдеи стоятъ по обѣимъ сторонамъ амвона внизу, снявъ съ себя «стурики» и положивъ ихъ на «пальмы». Въ томъ же порядкѣ всѣ эти лица возвращаются къ царскимъ дверямъ, по прочтеніи евангелія протодіакономъ, который уноситъ евангеліе въ алтарь. Отроки, поклонившись предъ царскими дверями, удаляются въ алтарь, становятся за престоломъ и стоятъ тамъ со свѣчами до великаго выхода.

1) Ркп. библи. Андреев. русск. скита на Аѳонѣ л. 324 об.—325.

2) Тамъ же, л. 325 об.

3) Въ чинѣ пещнаго дѣйства XVI в. мы имѣемъ относительно даннаго момента литургіи слѣдующій весьма интересный вариантъ: «И пропѣвъ (т. е. Трисвятное) стоятъ предъ митрополитомъ доколѣ апостолъ чтутъ, и какъ подякъ возгласитъ. Аллилуйя. *Κελεσате* (κελεύσατε), и отроки поклоняются митрополиту и исходятъ изъ олтара предъ царскія двери».

Тѣ же обряды, при выносѣ евангелія для чтенія, хотя и съ иными дѣйствующими лицами, мы видимъ въ чинѣ литургіи великой церкви. «Καὶ ἐξερχομένου τοῦ τοιοῦτου (т. е. χαρτοφύλακος), говорится здѣсь, προπορεύονται ἀναγνώσται δύο μετὰ μανουαλίων, μετὰ τούτους οἱ διάκονοι, εἶτα ὁ εὐαγγελιστής, ὁποῖος ἐστί, καὶ ἐξέρχονται ἀπὸ τοῦ δεξιῦ μέρους τῆς σολαίας, καὶ ἀνέρχονται ἀπὸ τοῦ ὀπισθεν μέρους εἰς τὸν ἄμβωνα καὶ ἵστανται εἰς τὸν τεταγμένον τόπον αὐτῶν. Ψαλλόντων δὲ τῶν ἀναγνώστων τὸ τελευταῖον Ἀλληλούια τοῦ ἀποστόλου μετὰ μέλους καὶ ἀργίας, ἀνίσταται ὁ ἀρχιερεὺς ἀπὸ τοῦ συνθρόνου»¹⁾.

Во время великаго выхода, впереди всѣхъ шли оба халдея вмѣстѣ со свѣчами, за ними отроки со «свѣчами витыми», потомъ діаконы съ рипидами и «съ сіонами», а далѣе остальные священнослужители «по чину» съ дискосомъ и потиромъ, а нѣкоторые «сплащаницами». Сдѣлавши поклонъ передъ царскими дверями святителю, отроки и халдеи, послѣ того какъ архіерей приметъ святыя дары, удаляются черезъ сѣверныя двери въ алтарь. Туда же идутъ діаконы съ рипидами и «подіаки». Отроки стоятъ за престоломъ съ возженными свѣчами.

Въ «Διάταξις τῆς τοῦ πατριάρχου λειτουργίας πῶς γίνεται ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ»²⁾ великій выходъ описывается такъ: «Καὶ οὕτω γίνεται ἡ εἴσοδος, προπορευομένου τοῦ ἐπὶ τῆς εὐταξίας ἔμπροσθεν, εἶτα τοῦ κανστρισίου μετὰ τοῦ ὠμοφορίου τοῦ πατριάρχου καὶ τοῦ θυμιατοῦ, ἢ τοῦ δευτερεύοντος τῶν διακόνων, εἶτα τῶν κρατούντων τὰ ριπίδια διακόνων, μεθ' οὓς ὁ τὸν ἅγιον ἄρτον κρατῶν, καὶ ὀπισθεν αὐτοῦ οἱ κρατοῦντες τοὺς λοιποὺς δίσκους, εἶτα ὁ πρωτοπαπᾶς μετὰ τοῦ ἁγίου ποτηρίου, καὶ οἱ λοιποὶ ἱερεῖς κατὰ τάξιν, ὀπισθεν δὲ πάντων οἱ κρατοῦντες ἐπὶ κεφαλῆς τὸν ἀέρα διάκονοι, καὶ μετ' αὐτοὺς πάλιν οἱ ὑποδιάκονοι, κατέχοντες καὶ τὸ χερνιβόξεστον».

Упоминаемый здѣсь «воздухъ» есть несомнѣнно наша «плащаница», о которой говорится въ «чинѣ пещнаго дѣйства», получившая свое названіе потому, что на большомъ воздухѣ вышивалось изображеніе положенія во гробъ Спасителя. Что же касается «сіоновъ», которые, по нашему чину, выносились на этомъ выходѣ и о которыхъ не упоминаетъ чинъ литургіи, по уставу великой церкви, то и они въ древнее время составляли необходимую принадлежность софійскаго бого-

1) Ркп. библ. русск. Андреев. скита, л. 325 об.

2) Ркп. библ. лавр. Св. Саввы Освященнаго № 362 л. 50 об.; ркп. Каирск. патриарш. библ. № 371 л. 6 и др.

служенія и несомнѣнно были выносимы на великомъ выходѣ. Архіепископъ новгородскій Антоній, бывшій въ Константинополѣ въ XII вѣкѣ, описывая чинъ литургіи, совершавшійся во св. Софїи, о великомъ выходѣ говоритъ слѣдующее: «А переносу поють скопцы, а подьяцы прежде, и потомъ поеть чернецъ единъ и *тогда дары Господня понесутъ* много поповъ и діаконовъ... И какъ понесутъ *свтозарный іеросалимъ и рипиди*, и тогда воздыханіе и плачь бываетъ людемъ о грѣсѣхъ»¹⁾. Въ древности «сіонъ» и «іеросалимъ» были названіями синонимическими²⁾. Такимъ образомъ, великій выходъ у насъ въ недѣлю праотець на литургіи совершался согласно съ обычаями великой церкви въ Константинополѣ.

«На амбоне поють подьяки демественное «Отца и Сына» и кѣпанты» (т. е. *Καὶ πάντων καὶ πατρῶν* — И всѣхъ и вся).

Согласно съ обычаемъ великой церкви³⁾, по печатному чину, «Вѣрую во единого Бога *говоритъ* Мисайло», который, кромѣ того, «выкликаеть: «Елико вѣрнымъ». *Іосей*⁴⁾ *пѣснь онже*»⁵⁾.

По свидѣтельству Вальсамона (см. толкованіе его на 22 правило Лаодикійскаго собора), возгласъ: «Елици вѣрніи» обязаны были произносить иподіаконы⁶⁾. Время произнесенія этого возгласа въ чинѣ литургіи, по уставу великой церкви, опредѣляется такъ: «*Καὶ γενομένης τῆς συνήθους ἀκολουθίας, εἰς τὰς μυστικὰς εὐχὰς ἐξέρχεται ὁ ὑποδιάκονος, οὐδὲν φέρων ἐν ταῖς χερσίν, ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου, καὶ ἴσταται ὀπισθεν τοῦ ἁμβωνος. Καὶ ὅτε ἐκφωνεῖ ὁ ἀρχιερεὺς*

1) П. Савваитова, Путешеств. новгород. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII в. Спб. 1872 г. стр. 77.

2) Многочисленные примѣры этого указаны проф. Е. Е. Голубинскимъ въ его Исторіи русск. церкви. М. 1881 г. т. 1, полов. 2 стр. 148—149.

3) Въ *Διταξίς* протонотарія Дмитрія Гемисты говорится: «*καὶ λέγεται τὸ Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν*». Ркп. Каир. патр. библ. № 371. Тоже самое свидѣтельствуеть и Теодоръ еп. Андидскій въ своемъ толкованіи на литургію. *Migne Patrol. curs. Complet. t. 140, col. 445.*

4) Выраженіе печатнаго чина пещнаго дѣйства: «Іосей пѣснь» намъ было бы не понятно, если не предположить здѣсь не совсѣмъ удачную передачу греческихъ словъ: «*Ὅσοι πιστοί*» въ русской транскрипціи: «Оси листи», непонятой и искаженной справщиками, при печатаніи «чина пещнаго дѣйства».

5) Въ списокѣ чина пещнаго дѣйства XVI в. отроки отъ великаго выхода до самаго конца литургіи не принимаютъ никакого участія въ совершеніи богослуженія. Во время «кенаниковъ», они приносятъ «дору» митрополиту, а когда, по окончаніи литургіи, послѣдній разоблачается, они поють: «*Ἰς πολλαῖτι деспота*» и провожаютъ митрополита въ его покои.

6) Прибавл. къ Чтен. въ обществ. любителей. духовн. просвѣщенія 1878 г., кн. 3, стр. 1134.

Τὸν ἐπινίκιον ὕμνον, ψάλλει ὁ τοιοῦτος ὑποδιάκονος μετὰ μέλους τὸ Ὅσοι πιστοί, ἐκ τρίτου. Καὶ πάλιν, ὅτε ἐκφωνεῖ ὁ ἀρχιερεὺς τὸ Λάβετε, φάγετε, ὁ ὑποδιάκονος ψάλλει μετὰ μέλους πάλιν τὸ Ὅσοι πιστοί, ἐκ τρίτου. Καὶ πάλιν, ὅτε ἐκφωνεῖ ὁ ἀρχιερεὺς τὸ Ἐξαιρέτως τῆς παναγίας ἀχράντου, λέγει ὁ αὐτὸς ὑποδιάκονος ἐκ τρίτου τὸ Ὅσοι πιστοί, εἶτα εἰσέρχεται πάλιν διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους εἰς τὸ ἅγιον βῆμα¹⁾.

Честнѣйшую пѣли «разную», а «Аллилуія» при «кѣнадикѣ» (Κοινωνικόν) — «райлову».

Во время пѣнія причастна, отроки, поклонившись архіерею, удаляются къ жертвеннику и, по причащеніи всѣхъ священнослужителей, когда архіерей сядетъ на «уготованное ему мѣсто», приносятъ ему съ жертвенника «по единому доры» (ἀντίδωρον). (По печатному чину, «Ананія да Азарія съ дорою ходитъ, а Мисаило укропъ держитъ»). Архіерей потребляетъ «доры», благословляетъ отроковъ и даетъ имъ для цѣлованія свою руку, послѣ чего отроки снова удаляются къ жертвеннику. Послѣ заамвонной молитвы отроки идутъ въ церковь «з доры»; имъ одинъ халдей предшествуетъ, а другой послѣдуетъ. Отроки становятся на лѣвомъ «поповскомъ» клиросѣ, по сторонамъ святительскаго мѣста. Святитель выходитъ изъ алтаря, становится за амвономъ, обратившись лицомъ къ народу, благословляетъ «доры» трижды, послѣ чего отроки удаляются въ алтарь. По окончаніи отпуста, отроки снова становятся предъ святительскимъ мѣстомъ и поютъ: «Εἰς πολλὰ ἔτη», а затѣмъ провожаютъ владыку по обычаю въ покой.

Халдеи и отроки предшествуютъ, «во всемъ чину со свѣщами», архіерею, при выходѣ его въ столовую палату, и поютъ стихъ: «Яко обрѣте о печи халдѣйстѣй», или «Дажь славу имени твоему Господи». Отроки стоятъ «противъ святителя до третіей ѣствы», а халдеи по сторонамъ ихъ, и «бываютъ отрокомъ отъ святителя подачи» или «потѣшеніе». По приказанію архіерея, отроки поютъ «пещные стихи», по печатному же чину, стихъ: «Благословите отроцы съ *ненайками*»²⁾, а послѣ нихъ дѣяки «избранные стихи». По окончаніи трапезы, «бываютъ за многолѣтнее здравіе государскіе чаши», и затѣмъ съ пѣніемъ отроками стиха: «Яко во тьмахъ агнецъ тучень», или «Яже обрѣте въ печи халдѣйстѣй» съ припѣвомъ провожаютъ архіерея въ

1) Ркп. библ. Андреев. русск. скита, л. 326.

2) Вставочныя слововыя украшенія «не-не-на», называвшіяся у грековъ «кратиматами», а у насъ «попѣвками», появляются въ русскихъ нотныхъ богослужебныхъ книгахъ изъ Византіи въ самыхъ раннихъ памятникахъ этого рода. Д. Разумовскаго, Церковное пѣніе въ Россіи. М. 1867, в. 1, стр. 108—109.

его покои, гдѣ послѣдній совершаетъ обычный «отпустъ», причѣмъ отроки поютъ ему многолѣтіе и «Исполати». Въ проводахъ принимали участіе «бояринъ и приказные», которыхъ архіерей, «покоивъ довольно», отпускалъ съ благословеніемъ домой.

Въ тотъ же день архіерей приходитъ и къ вечернему богослуженію. Халдеи и отроки встрѣчаютъ его и провожаютъ точно также, какъ въ субботу вечеромъ и въ воскресенье утромъ. Во время пути къ вечерни, отроки поютъ стихъ: «Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ», а при возвращеніи домой — стихъ: «На градъ святой отецъ нашихъ» съ припѣвомъ.

По списку чина XVI в., отроки и халдеи участвуютъ въ совершеніи всѣхъ службъ на праздникъ Рождества Христова и «дѣйствуютъ вся, опрочи пещново дѣйства».

Самый обрядъ «пещнаго дѣйства», какъ мы замѣтили выше, по нашимъ славяно-русскимъ богослужебнымъ памятникамъ, находится въ тѣсной связи съ чиномъ утренняго богослуженія и совершается по шестой пѣсни канона въ слѣдующемъ порядкѣ.

Послѣ Пролога, который читался по шестой пѣсни канона, протопопъ и священники «на оба лика» пѣли 8 «росныхъ стиховъ», а девятый стихъ «на всходѣ», т. е. оба лика вмѣстѣ. Затѣмъ начинается седьмая пѣснь: «На полѣ молебнѣ иногда мучитель пещь постави», «Поминающе Исаино писаніе, богоносныя дѣти предани быша беззаконному цесарю» и «Вавилонская пещь семь седмицею разжена бывши, халдѣйскія слуги попали». Послѣ этого третьяго стиха, выходятъ изъ алтаря діаконы въ облаченіи и, не входя въ пещь, зажигаютъ свѣчи около пещи. Въ это время поются дальнѣйшіе стихи этой пѣсни: «Разжсжите пещь семь седмицею, дондеже до конца разгорится, мучитель рече халдѣомъ», «Семь седмицею пещь асиретіи отроцы разжегше, сіонскія отроки не покорипася повелѣнію ихъ», «Одѣваяя небо облаки, готоваяя земли дождь», «Тричисленные отроки состави святая Троица», «Ангель сниде освятити Цесаря небеснаго отроки», «Іерусалима священнѣй и благочестивіи суще отроцы явишася».

Когда начинаютъ клирики пѣть седьмой стихъ этой пѣсни, «учитель отроческой»¹⁾ идетъ къ иконѣ, дѣлаетъ передъ нею три поклона,

1) Въ чинѣ XVI в. объ «учителѣ отроческомъ», который въ печатномъ чинѣ именуется «*діакомъ тѣчимъ*», кому будутъ приказаны отроки и халдѣи, совершенно

кланяется архіерею «до земля» и говорить: «Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити». Архіерей дѣлаетъ на его головѣ крестъ рукою и отвѣчаетъ: «Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако». Поклонившись ему, «учитель отроческой» идетъ «поскору» въ алтарь сѣверными дверями и связываетъ отроковъ «убрусомъ по выяхъ ихъ». Когда наступитъ время и отворятся, съ благословенія святителя, сѣверныя двери, учитель передаетъ отроковъ халдеямъ, которые, держа въ рукахъ концы «убруса» или полотенца, ведутъ ихъ къ святителю. Одинъ халдей идетъ впереди, а другой позади отроковъ, имѣющихъ «руцѣ дланьми совокуплены друга ко друзей». На срединѣ храма, близъ печи, отроки останавливаются, а халдеи, указывая имъ «пальмами» на печь, ведутъ слѣдующій разговоръ.

Первый халдей¹⁾ говоритъ отрокамъ: «Дѣти *царевы*»?

Второй «подваиваетъ тоеже рѣчь»: «*Царевы*».

Первый халдей: «Видите ли сію печь, огнемъ горящу и вельми распалаему?»

Второй халдей: «А сія печь уготовася вамъ на мученіе».

Ананія: «Видимъ мы печь сію, но не ужасаемся, есть бо Богъ нашъ на небеси, емуже мы служимъ, Той силенъ изяти насъ отъ печи сія».

Азарія: «И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ».

Мисайло: «А сія печь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе».

Послѣ этихъ словъ, халдеи ведутъ отроковъ къ «святительскому мѣсту»; всѣ вмѣстѣ кланяются ему «равно и тихо», и отроки поютъ стихъ: «И потщися на помощь нашу, яко можеша хотая». Протодіаконъ зажигаетъ въ это время въ алтарѣ три «тройныя» свѣчи отроковъ и, когда они оканчиваютъ «последнюю статью стиха того», царскими дверями выходитъ со свѣчами на средину храма къ святитель-

уменьшается. Поэтому вѣтъ въ немъ рѣчи о его выходѣ къ митрополиту для получения благословенія предъ началомъ пещнаго дѣйства «отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити». Вмѣсто «учителя», по этому чину, выходитъ протодіаконъ, который, послѣ благословенія у епископа, снова удаляется въ алтарь, беретъ три отроческія свѣчи и выходитъ изъ алтаря. За нимъ ведутъ на средину храма связанныхъ отроковъ халдеи. Предъ митрополитомъ отроки поютъ стихъ: «И потщися на помощь нашу, яко можеша хотая». Халдеи развязываютъ полотенце, которымъ были связаны отроки. Принявъ изъ рукъ митрополита свѣчи и получивъ отъ него благословеніе, отроки отводятся халдеями въ печь.

1) Первый діалогъ халдеевъ въ спискѣ XVI в. совершенно опущенъ.

скому мѣсту и, поклонившись святителю, который благословляетъ его рукою, становится близъ святительскаго мѣста. Послѣ окончанія отроками даннаго стиха, учитель отроковъ развязываетъ ихъ «по единому кождо». Отрокъ, изображающій Ананію, подходитъ къ архіерею для благословенія, который, сошедши со своего мѣста и нѣсколько приблизившись къ печи, благословляетъ его и даетъ ему зажженную свѣчу, принесенную предъ тѣмъ протодіакономъ. Ананія цѣлуетъ при этомъ руку архіерея. Тоже потомъ дѣлаютъ отроки, изображающіе Азарію и Мисаила. По благословеніи у святителя и по принятіи отъ него зажженныхъ свѣчъ, отроки всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ ему поклонъ и становятся «на прежереченное мѣсто».

Первый (едій) халдей ¹⁾ кличетъ: «Товарыщъ!»

Второй халдей: «Чево?»

Первый халдей: «Это дѣти *царевы*?»

Второй подваиваетъ: «*Царевы*».

Первый халдей: «Нашега царя повелѣнія *не слушаютъ*?»

Второй халдей: «*не слушаютъ*».

Первый халдей: «А златому тѣлу *не поклоняются*?»

Второй халдей: «*не поклоняются*?»

Первый халдей: «А мы вкинемъ ихъ въ ⁶пещь».

Второй халдей: «И начнемъ ихъ ⁵жечь».

«Учитель отроковъ» передаетъ ихъ халдеямъ, чтобы вести въ пещь. Первый халдей беретъ Ананію подъ правую руку, а второй подъ лѣвую и ведутъ его «честно и тихо» въ пещь. Ананія становится въ печи съ правой стороны отъ святительскаго мѣста. Второй халдей, обращаясь къ Азарію, говоритъ: «А ты, Азарія, чего сталь, — и тебѣ у насъ то же будетъ!» И, взявъ его подъ правую руку, а первый халдей подъ лѣвую, ведетъ и его въ пещь. Затѣмъ вводятъ туда же и Мисаила и затворяютъ «пещные двери». Тогда чередной «звонецъ» приноситъ «горнь» ²⁾ съ горячими угольями и ставитъ его подъ пещь. Протодіа-

1) Второй діалогъ, хотя и стоитъ въ чинѣ XVI в. на ряду, но значительно короче и ближе къ библейскому разсказу, чѣмъ въ спискѣ XVII в. Вотъ его составъ:

Первый халдей: «То дѣти царевы нашему царю не служатъ, златому тѣлу не поклоняются».

Второй халдей: «И мы вкинемъ ихъ въ пещь, да станемъ жечь».

«И вводятъ отроковъ, замѣчаетъ данный списокъ чина, въ пещь по одному», не упоминая при этомъ о вульгарномъ обращеніи халдеевъ съ Азарію.

2) Въ описи московскаго Успенскаго собора 1701 года значатся «2 горнца желѣзные, на стоянцахъ по девяти яблокъ желѣзныхъ гладкіе, на нихъ чашки желѣзные, а другіе вставные чашки жъ желѣзные». Въ указанное время «горнцы» эти

конь въ это время, поклонившись трижды въ «поясъ» предъ иконою, кланяется святителю «до земля», испрашиваетъ у него благословеніе «кликати пѣснь отроческую седмую и осмую», удаляется «на мѣсто, уготованное ему» и, обратившись лицомъ къ святителю, «кличеть велигласно пѣснь седьмую»: «Благословенъ еси, Господи, Боже отецъ нашихъ, хвальнo и прославлено имя Твое во вѣки». Отроки въ печи поютъ тотъ же стихъ. Въ это время «діакъ пѣвчей» беретъ у халдеевъ большія свѣчи и даетъ имъ «халдейскія» свѣчи и «трубки съ пловучею травою». Халдеи ходятъ кругомъ печи и мечутъ травою на пещь и подъ пещь, «угрожаютъ кто подъ пещію раздымаетъ горнь, а промежь себе примѣриваются пальмами». Отроки и діяки пѣвчіе «на оба лика» поютъ попеременно стихи, причемъ всякій разъ протодіаконъ, какъ бы замѣняя канонарха, произноситъ предварительно тотъ стихъ, который былъ положенъ для пѣнія.

Большая станица діяки¹⁾: «И прави путіе твою».

Другіе діяки: «И судьбы твоя истинны сотворилъ еси».

Отроки: «На градъ святыхъ отецъ нашихъ Іерусалимъ».

Діяки: «Навелъ еси вся на ны грѣхъ ради нашихъ».

Другіе діяки: «И заповѣдей Твоихъ не послушахомъ».

Отроки: «Яко же заповѣда намъ, да благо намъ будетъ».

Діяки: «Истиннымъ судомъ сотворилъ еси».

Другіе діяки: «И цареви неправедну и лукавнѣйшему паче всея земли».

Отроки: «Студъ и поношеніе рабомъ твоимъ чтущимъ Тя».

Діяки: «И не остави милость Твою отъ насъ».

Другіе діяки: «Израиля ради святаго твоего».

Отроки: «Яко песокъ воскрай моря».

Діяки: «И есмы смирени по всей земли».

Другіе діяки: «Обрѣсти милость предъ Тобою».

Отроки: «Яко во тмахъ агнецъ тученъ»

Діяки: «Яко нѣсть студа уповающимъ на Тя».

только «на Свѣтлое Христово Воскресеніе поставляютца у царскихъ дверей» (Русск. Истор. библ. т. III стр. 842), но когда въ богослужебной практикѣ этого собора имѣлъ мѣсто чинъ пещнаго дѣйства, то, безъ всякаго сомнѣнія, при совершеніи и этого чина, пользовались, если не тѣми же самими, то подобными «горнцами».

1) По списку чина XVI в., стихи эти сначала произноситъ протодіаконъ, а потомъ поютъ ихъ отроки въ печи. О пѣніи ихъ «діаками большой станицы» и «другими діаками» въ этомъ чинѣ не говорится. Стиховъ въ спискѣ XVI в. значительно больше, чѣмъ въ печатномъ чинѣ, по которому мы изложили ихъ порядокъ.

Другіе діяки: «И ищемъ лица Твоего и не посрами насъ».

Отроки: «И даждь славу имени Твоему, Господи».

Діяки: «И крѣпость ихъ сокрушится».

Другіе діяки: «И разумѣютъ, яко Ты еси Богъ единъ, и славенъ по всей вселеннѣй».

Во время пѣнія этихъ стиховъ, діакъ беретъ у халдеевъ большія свѣчи и даетъ имъ «простые съ пловучею травою». Халдеи ходятъ кругомъ печи и бросаютъ «траву на печь, и подъ печь и на пещники и на люди». Когда отроки поютъ стихъ: «Яже обрѣте о печи халдѣйстѣй», ключарь въ «ризахъ» выходитъ за благословеніемъ къ архіерею («ангела спущати въ печь» и, получивъ его, снова удаляется въ алтарь черезъ царскія двери. Діаконы, «иже искусни суть¹⁾ палити халдѣевъ», берутъ у послѣднихъ трубки «съ плавучею травою и согнемъ»²⁾). Халдеи становятся по обѣимъ сторонамъ печи, «вознесши пальмы выспрь, выше главы, вопреки, а булавами на церковь, а концами колгарю». Протодіаконъ произноситъ стихъ: «Ангель же Господень сниде купно съ Азаріиною чадію въ печь и отъятъ пламень огненный отъ печи, и *сотвори среди печи, яко духъ хладенъ шумящъ*». При послѣднихъ словахъ этого стиха, ключарь спускаетъ ангела³⁾ въ печь, который сходитъ туда «въ трусѣ велице зѣло згромомъ». Халдеи падаютъ ницъ, а діаконы, «вмѣсто ангельскаго паленія», опаляютъ ихъ огнемъ. Отроки зажигаютъ въ вѣнцѣ ангела три свѣчи, послѣ чего ключарь подымаетъ его «выспрь горѣ». Отроки, поклонившись ангелу «до земли», поютъ стихъ, произнесенный предъ тѣмъ протодіакономъ: «Ангель же Господень». Подымаются съ полу халдеи, снимаютъ съ себя «шоломы сирѣчь турки» и кладутъ ихъ на пальмы.

Первый халдей: «Товарищъ!»

Другой халдей: «Чево?»

1) Неумѣнье обходиться съ «плаунъ травою и огнемъ» иногда влекло за собою обжог и увѣчья. «1626 г. дек. 18, по словамъ приходо-расходной книги, приходили послѣ пещново дѣйства славить уставщикъ пѣвчей дьякъ Володимерь Ивановъ, и, по приказу государя архіепископа Нектарія, дано ему Володимеру рубль денегъ за увѣчья подьяковъ меньшіе станицы» (Н. Сувор. Опис. Вологод. каедр. собора, стр. 138)

2) Діаконы брали у халдеевъ трубки съ пловучею травою, по чину XVI в., при пѣніи отроками стиха: «И распалашеса пламень над пещію на четьредесят и девят лакот».

3) О схожденіи ангела въ печь чинъ XVI в. говоритъ такимъ образомъ: «И лжат (т. е. халдеи), доколе *ангелъ летитъ*, а какъ станутъ халдѣи и глаголетъ единъ ко другому:—*«Было три, а стало четьре»*. И другій же отвѣщаетъ: *«четвертый грозенъ, оуподобись Сыну Божію»*.

Первый халдей: «Видиши ли?»

Другой халдей: «Вижу» (подваиваетъ).

Первый халдей: «Было три, а стало четыре, а четвертый грозень, грозень и страшень зѣло, образомъ уподобися Сыну Божию».

Другой халдей: «Какъ онъ прилетѣлъ да и насъ побѣдилъ».

«Подіяць» дають по «выносной свѣщи» халдеямъ, которые «пещи не палятъ», но стоятъ, «главы поникши и унывъ». Протодіаконъ возглашаетъ: «Тогда тиі тріе, яко единѣми усты пояху и благословляху, и славяху Бога въ пещи глаголюще: «Господа пойте и превозносите его во вѣки». Отроки повторяютъ тотъ же стихъ и, «горѣ възрѣвъ ко ангелу Господню», дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе съ тремя поклонами и ходятъ кругомъ, «на правую страну ко святительскому мѣсту», въ пещи трижды, «держа ангела предъ собою: Ананія за правое крыло, Азарія же за правую ногу, Мисайло за лѣвое крыло». Протодіаконъ снова возглашаетъ: «Благословень еси, Господи Боже Отець нашихъ препѣтый и превозносимый во вѣки». Отроки повторяютъ тоже самое ¹⁾. Ангель Господь при этомъ поднимается «мало горѣ надъ отроки, осѣняя и прохладая». Затѣмъ поютъ попеременно статьи сначала діяки праваго и лѣваго клиросовъ, а потомъ діаки и отроки.

8 пѣснь канона начинаеть протодіаконъ: «Благословите вся дѣла Господни, Господа пойте и превозносите его во вѣки». Отроки повторяютъ то же самое. Послѣ окончанія первой статьи отроками, пѣли ту же статью правый и лѣвый клиросы діяковъ. Когда протодіаконъ произнесеть: «Благословите тріе отроцы», ангель снова спускается въ пещь «згромомъ и трусомъ велимъ», при чемъ халдеи падаютъ на колѣни, а отроки поютъ: «Благословите тріе отроцы Ананія, Азарія и Мисайль Господни», дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе, всѣ вмѣстѣ кланяются ангелу и обходятъ съ нимъ пещь еще одинъ разъ ²⁾. Протодіаконъ произноситъ «статію» правому клиросу и затѣмъ говоритъ: «Хвалимъ, благословимъ, покланяемся Господеви». Отроки повторяютъ

1) По списку чина XVI в., и эти стихи (Даніил. III. 51—56) сначала произносили протодіаконъ, а потомъ уже ихъ пѣли отроки. Послѣ 56 стиха отроки пѣли: «Слава», «Препѣтый», «И нынѣ», «Препѣтый». Подобнымъ образомъ пѣли и дальнѣйшіе стихи, съ 57—88.

2) Въ спискѣ чина XVI в. протодіаконъ, послѣ вторичнаго круговаго хожденія отроковъ въ пещи, произноситъ: «Благословите апостоли, пророцы и мученицы Господни. Господа пойте и превозносите Его во вѣки». Отроки поютъ: «Хвалимъ благословимъ» и «Господа пойте», причемъ трижды дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе съ поклонами и «обращаются равно, ангела въ рукахъ держачи предъ собою 3 ж». Въ это время отроки поютъ: «Тричисленные отроки состави Святая Троица».

этотъ стихъ «и, горѣ възрѣвъ ко ангелу Господню», поклоняются ему и «обращаются со ангеломъ 3-жды по прежеписанному». При пѣніи стиха «Хвалимъ, благословимъ», по печатному чину, «отроки сойдутся — *демественникъ* (т. е. Ананія) *съ вершникомъ* (т. е. Мисаиль) *къ нижнику* (т. е. Азарія)». — Послѣ обхожденія печи въ послѣдній разъ, отроки, поклонившись ангелу, поютъ тропарь: «Тричисленные отроки, состави святая Троица», при послѣднихъ словахъ котораго ключарь поднимаетъ ангела «горѣ тихо». Протодіаконъ, поклонившись архіерею и трижды передъ образомъ «въ поясъ» и получивъ прощеніе, удаляется черезъ царскія двери въ алтарь. Выходитъ тогда къ иконѣ первый халдей, дѣлаетъ три поклона и, обратившись къ епископу, произноситъ: «Владыко, благослови Ананію кликати»¹⁾. Епископъ благословляетъ его рукою. Халдей, отворивъ двери печи и снявъ «стурикъ», громогласно возглашаетъ:

«Ананія, гряди вонъ испещи»²⁾.

Другой халдей: «Чево сталъ, поворачивайся; не иметъ васъ ни огонь, ни поломя, ни смола, ни сѣра».

Первый халдей: «Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами згорѣли».

Ананія выходитъ изъ печи, халдеи берутъ его подъ руки и ведутъ «честно» къ святительскому мѣсту, причемъ первый халдей произноситъ:

«Гряди, царевъ сынъ!» и ставитъ его на прежнее мѣсто.

То же самое дѣлаютъ и произносятъ второй халдей, изводя изъ печи Азарію, и снова первый халдей, изводя Мисаила.

Когда всѣ три отрока стануть передъ епископскимъ мѣстомъ, и поклонятся епископу, который благословляетъ ихъ, то поютъ многолѣтіе ему и *Εἰς πούλα ἔτη*, а затѣмъ кланяются вторично и вмѣстѣ съ халдеями, изъ коихъ одинъ идетъ впереди, а другой позади, черезъ сѣверныя двери удаляются въ алтарь. Халдеи несутъ трубки «сплавучею травою и согнемъ». Епископъ приглашаетъ къ себѣ «властей»³⁾, на-

1) Этого обращенія не имѣется въ чинѣ XVI столѣтія и въ печатномъ.

2) Въ чинѣ XVI в. мы видимъ тѣ же самые разговоры халдеевъ, но въ печатномъ чинѣ печнаго дѣйства удержаны только два и въ такомъ изложеніи. Первый халдей: «*Ανανιε, γряди вонъ изъ печи*» и ведетъ честно подъ руки, а говоритъ: «*Ποιδι царевъ сынъ*», а другій тоже глаголетъ. И потомъ другій также поклоны кладетъ и пришедъ къ печи кличетъ велегласно: «*Αzarie, γряди вонъ изъ печи*». И потомъ паки первый халдѣй кличетъ: «Мисаило, гряди вонъ изъ печи». А халдѣи отроковъ приимаютъ подъ руку правую честно и водятъ ихъ предъ патриарха».

3) Въ чинѣ XVI в. не говорится ни о приглашеніи митрополитомъ властей, ни даже о многолѣтіи царю и царицѣ съ чадами въ данное время чина. Виѣсто этого,

чальниковъ града, бояръ и воеводъ, и всякихъ приказныхъ людей» и, ставъ на послѣдней ступени своего мѣста, многолѣтствуетъ царя и царицу и ихъ дѣтей, а затѣмъ самъ многолѣтствуется. Дѣяки пѣвчїе на оба клироса поютъ многолѣтіе царю и царицѣ съ чадами и патріарху. Потомъ бояринъ, воевода, власти и дворяне многолѣтствуютъ царя и царицу съ чадами и патріарха. «Подѣяки болшая станица» поютъ многолѣтіе патріарху и *Εἰς πολλὰ ἔτη* у царскихъ дверей. Начинается далѣе гѣніе 9 пѣсни канона со звономъ въ колоколь. По печатному чину, послѣ этого царь, въ сопровожденіи халдеевъ, имѣющихъ въ рукахъ пальмы, идетъ къ заутрени въ Благовѣщенскій соборъ.

Обрядъ печнаго дѣйства во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ мы сказали, намъ не извѣстенъ въ греческомъ оригиналѣ, но византійское происхожденіе главнѣйшихъ и основныхъ особенностей его внѣ всякаго сомнѣнія. За это говоритъ намъ греческій чинъ, найденный нами въ нотной рукописи № 1120 библіотеки Иверскаго Аѳонскаго монастыря съ заглавіемъ: «*Ἀκολουθία, συντεθεῖσα παρὰ κυροῦ Ἰωάννου μαίστορος τοῦ Κουκουζέλη*», или, по другому надписанію, «*Παπαδικὴ τέχνη*», писанной въ 1457 году, какъ это видно изъ слѣдующей приписки къ ней: «*Ἐτελειώθη τὸ παρὸν βιβλίον, αἱ ἀκολουθίαι πᾶσαι τῆς ψαλτικῆς, διὰ χειρὸς Μανουὴλ Δούκα Λαμπαδαρίου τοῦ Χρυσάφη ἐν ἔτει ς'Πδξς' ἰνδ. ς'*». Вотъ этотъ чинъ въ цѣломъ своемъ видѣ съ переводомъ на русскій языкъ:

Ἀκολουθία, ψαλλομένη τῇ κυριακῇ τῶν ἀγίων πατέρων πρὸ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως, ἡ(ο)ι τῆς καμίνου διάταξις.

Μετὰ τὸ τέλος τοῦ ὄρθρου, τῆς καμίνου εὐτρεπισθείσης, καὶ τῶν παιδῶν ὁμοίως, οἱ ψάλλται περὶ τὴν κάμινον ψάλλουσιν ἰδιόμελον τὸ Πνευματικῶς ἡμᾶς, πιστοί. Τοῦτου δὲ ψαλλομένου, εἰσέρχονται οἱ παῖδες ἐντὸς τῆς καμίνου καὶ προσκυνοῦσι κατὰ ἀνατολὰς τρίς. Καὶ τοῦ ἰδιομέλου πληρωθέντος, ἄρχεται ὁ δομέστικος ἀντίφωνον εἰς ἦχον πλ. δ'.

Послѣдованіе, совершаемое въ недѣлю святыхъ отецъ предъ Рождествомъ Христовымъ, т. е. *чинъ печи*.

По окончаніи утрени, когда печь будетъ готова, а равно и отроки, пѣвцы около печи поютъ самогласенъ: «Духовно насъ, вѣрніи», по исполненіи котораго входятъ отроки въ печь и поклоняются на востокъ трижды. Окончивши самогласенъ, domestikъ начинаетъ антифонъ на гласъ 8 съ стихомъ его: «Благословенъ

митрополитъ многолѣтствуетъ царя, по окончаніи утрени, по приходѣ своемъ изъ собора въ крестовую палату.

μετὰ τοῦ στίχου, τοῦ Εὐλογητός εἶ, Κύριε ὁ Θεός τῶν πατέρων ἡμῶν, καί αἰνετόν καί δεδοξασμένον τὸ ὄνομά σου εἰς τοὺς αἰῶνας. Κυροῦ Ξένου Κορώνη, πλ. δ'. Τῶν¹⁾ πατέρων ἡμῶν, ὑπερύμνητε, ὑπερένδοξε Κύριε, ὁ Θεός τῶν πατέρων καί ἡμῶν, εὐλογητός εἶ, Κύριε. Καί οἱ παῖδες τὸ αὐτό. Εἶτα τὸν στίχον, πλ. δ'. Καί ἐπὶ τὴν πόλιν τὴν ἁγίαν τὴν τῶν πατέρων ἡμῶν Ἱερουσαλήμ. Καί διεχεῖτο ἡ φλόξ ἐπάνω τῆς καμίνου ἐπὶ πῆχεις τεσσαράκοντα ἐννέα. Ἔτερον ἀλλαγμὰ παλαιόν. Τῶν πατέρων ἡμῶν εὐλογητός εἶ, Κύριε, σῶσον ἡμᾶς. Εἶτα ἠχίζει ὁ δομέστικος ἡχημα πλ. δ'. στίχος: Καί διώδευσε καί ἐνεπύρισεν, οὓς εὔρε περὶ τὴν κάμινον τῶν χαλδαίων. Ὁμοίως καί ὁ β'. χορός. Εἶτα πάλιν τοὺς στίχους. Εἰς δὲ τὰ τέλη τῶν ἡχημάτων ψάλλεται τοῦτο ἀπὸ χορῶν πλ. δ'. Εὐλογητός εἶ, Κύριε, σῶσον ἡμᾶς. Εἶτα λέγει ἀσματικὸν ἐκ τῶν ὠδῶν, καί εὐθὺς πάλιν τοὺς στίχους μετὰ τῶν ἀντιφώνων. Ὅτε δὲ φθάσει(η) οὗτος ὁ στίχος, καταβιβάζουσι τὸν ἄγγελον. Ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν εἰς τὴν κάμινον. Τοῦ Κορώνη, πλ. δ'. Σὺ εὐλογητός εἶ, Κύριε τῶν ἁγίων σου, ὑπερύμνητε, ὑπερένδοξε Κύριε ὁ Θεός

еси, Господи, Боже отецъ нашихъ, хвально и препрославлено имя Твое во вѣки». Господина Ксена Корони 8 гласъ: «Отець нашихъ, препѣтый и превозносимый Господи, Боже отецъ нашихъ, благословенъ еси, Господи». Отроки (повторяють) тоже самое. Потомъ стихъ 8 гласъ: «И на градъ святыи отецъ нашихъ Иерусалимъ. И разливашеся пламень надъ пещию на лактійъ четыредесять девять». Другое *древнее* изложене: «Отець нашихъ благословенъ еси, Господи, спаси насъ». Потомъ даетъ тонъ доместикъ на гласъ 8, стихъ: «И обыде и позже, ихже обрѣте окрестъ пещи халдейскія». Одинаковымъ образомъ поеть и второй хоръ. Потомъ снова стихи. По окончаніи нотнаго (пѣнія) поется это же хорами гласъ 8: «Благословенъ еси, Господи, спаси насъ», потомъ произносится пѣсенное изъ пѣсенъ (канона) и тотчасъ снова стихи съ антифонами. Ангела спускають, когда дойдуть до слѣдующаго стиха: «Ангель же Господень, сниде купно съ сущими со Азаріею въ пещь». Господина Корони: «Ты, благословенъ еси, Господи святыхъ твоихъ, препѣтый, превозносимый Господи Боже отецъ нашихъ, благословенъ еси, Господи,

1) Подчеркнутыя слова положены въ чинѣ на ноты, а по этому естественно въ своемъ расположеніи въ стихахъ они иногда не сходятся съ подобными стихами въ Библии.

τῶν πατέρων ἡμῶν, εὐλογητός εἶ, Κύριε, σῶσον ἡμᾶς. Ἔτερος Μανουὴλ Λαμπαδαρίου τοῦ Χρυσάφη, ψαλλόμενος ἕνα παρ' ἕνα: Ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν εἰς τὴν κάμινον. πλ. δ'. Εὐλογητός εἶ, ὁ Θεός, ὁ δι' ἀγγέλου τοὺς παῖδας ἐκ φλογός διασώσας, καὶ τὴν βροντῶσαν κάμινον μεταβαλὼν εἰς δρόσον. Εὐλογητός εἶ, Κύριε ὁ Θεός τῶν πατέρων ἡμῶν. Στίχος, πλ. δ'. Καὶ ἐξετίναξε τὴν φλόγα τοῦ πυρός ἐκ τῆς καμίνου, ὡς πνεῦμα δρόσου διασυρίζον. Τῶν ἁγίων. Ἔτερος στίχος, πλ. δ'. Τότε οἱ τρεῖς, ὡς ἐξ ἑνός στόματος, ὕμνουν, ἐβόουν(ων) καὶ ἐδόξαζον τὸν Θεὸν ἐν τῇ καμίῳ, λέγοντες: πλ. δ'. Εὐλογητός εἶ, ὁ Θεός. Ψάλλονται οὖν καὶ οἱ λοιποὶ στίχοι εἰς αὐτὸ τὸ μέλος, καὶ μετὰ τὸ τέλος αὐτῶν, εὐθύς ἠχίζει πάλιν ὁ δομέστικος, εἶτα λέγει ασματικόν¹⁾. Καὶ εὐθύς ἄρχεται ἡ ἠ. ῥόδη. Στίχος, πλ. δ'. Εὐλογεῖτε πάντα τὰ ἔργα Κυρίου τὸν Κύριον. πλ. δ'. Τὸν Κύριον ὑμνεῖτε· καὶ ἕμνεῖτε τὸν

спаси насъ». Другой стихъ Мануила Лампадарія Хрисафы, которъй поется одинъ за другимъ: «Ангель же Господень сниде купно съ сущими со Азаріею въ пещь». 8 (гласъ) «Благословенъ еси, Боже, иже чрезъ ангела избавилъ еси отроки изъ пламени и шумящую пещь преложивъ въ росу. Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ». Стихъ гласъ 8: «И отрясе пламень огненный отъ пещи, яко духъ росы шумящъ. Святыхъ твоихъ». Другой стихъ гласъ 8: «Тогда тїи триє, яко едиными усты пояху, благословляху и славляху Бога въ пещи глаголюще: «Благословенъ еси, Боже». Итакъ, поются прочіє стихи на ту же мелодію, и, по окончаніи ихъ, тотчасъ снова доместикъ даетъ тонъ, потомъ произноситъ пѣсенное. Тотчасъ начинается 8 пѣснь. Стихъ гласъ 8: «Благословите вся дѣла Господня Господа». 8 гласъ: «Господа пойте и пойте Господа дѣла, пойте, благословите и перевозносите Его во вѣки». *Леге.* «Вся

1) Въ этой же самой Иверской рукописи № 1120 въ концѣ чина находимъ слѣдующую прибавку писца рукописи: Μετὰ τὸ τέλος τῆς ζ' ῥόδης, ψάλλεται τοῦτο ἀντὶ ασματικῷ κῦρ Μανουὴλ τοῦ Γαζῆ, συντετέθη δὲ καὶ ἐγράφη καὶ παρ' ἐμοῦ, ὡς ῥόης, ἦχος πλ. δ'. Ὁ δὲ ἄγγελος, ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου, ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν εἰς τὴν κάμινον. Πάλιν. Ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου, συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν, εἰς τὴν κάμινον, καὶ ἐξετίναξε τὴν φλόγα τοῦ πυρός ἐκ τῆς καμίνου, καὶ ἐποίησε τὸ μέσον τῆς καμίνου, ὡς πνεῦμα δρόσου διασυρίζον, καὶ οὐχ ἤψατο αὐτῶν τὸ καθόλου τὸ πῦρ. Πάλιν πλ. α'. Οὐδὲ ἐλύπησεν, οὐδὲ παρηνόχλησεν. Τότε οἱ τρεῖς, ὡς ἐξ ἑνός στόματος, ὕμνουν καὶ εὐλόγουν καὶ ἐδόξαζον τὸν Θεὸν ἐν τῇ καμίῳ λέγοντες. Ἀπὸ χορῶν, πλ. δ. Εὐλογεῖτε.

Κύριον τὰ ἔργα ὑμνεῖτε, εὐλογεῖτε καὶ ὑπερυψοῦτε αὐτὸν εἰς τοὺς αἰῶνας. Λέγε ¹⁾. Πάντα τὰ ἔργα, τὸν Κύριον τὰ ἔργα ὑμνεῖτε, εὐλογεῖτε, καὶ ὑπερυψοῦτε αὐτὸν εἰς τοὺς αἰῶνας. Εὐλογεῖτε. Τούτου δὲ ψαλλομένου χορεύουσιν οἱ παῖδες ἐντὸς τῆς καμίνου, ἐκτείνουσι τὰς χεῖρας καὶ τὰ ὄμματα ἄνω. Ὅτε δὲ φθάσει(η) τὸ μέσον τῆς ᾠδῆς, εὐθύς πάλιν ἠχίζει ὁ δομέστικος, εἶτα ὁ ἕτερος χορὸς ἤχημα, καὶ μετὰ ταῦτα λέγει ἁσματικόν, εἶτα ψάλλεται τὸ ἐπίλοιπον τῆς ᾠδῆς, καὶ μετὰ τὸ τέλος τῆς ᾠδῆς, εὐθύς, τὸ ὕμνουμεν, εὐλογοῦμεν, προσκυνοῦμεν... Σοὶ τῶ παντουργῶ... Φλόγα, δροσίζουσα ὀσίους... Εὐλογεῖτε παῖδες... Νικηταὶ τυράννου. Εἶτα ἄρχεται ἡ λειτουργία.

Приведенный нами чинъ самого обряда пещнаго дѣйствія, совершавшійся въ церкви Софійской Константинопольской и вообще на православномъ греческомъ востокѣ, хотя и носить сразу двоякое наименованіе: «Ἀκολουθία» и «Διάταξις τῆς καμίνου», съ которыми въ византійскихъ памятникѣхъ литургической письменности соединялись вполне опредѣленные и далеко не одинаковыя понятія ²⁾, тѣмъ не менѣе, даже и при поверхностномъ его обзорѣннн, нельзя не замѣтить, что оба эти наименованія явились здѣсь случайно. Въ «Διάταξις'ῆ τῆς καμίνου» рѣзко бросается въ глаза полное отсутствіе, или, вѣрнѣе, умол-

дѣла, Господа дѣла пойте, благословите и превозносите Его во вѣки. Благословите». Во время пѣнія этого (стиха), отроки ходятъ кругомъ внутри печи, протягиваютъ руки и (поднимаютъ) глаза вверхъ. Когда пропоеть до половины пѣсни, домостикъ тотчасъ снова тонируетъ, и по семь другой хоръ поетъ нотно и потомъ произносить пѣсенное, затѣмъ допѣваетъ остальную часть пѣсни и, по концѣ ея, тотчасъ: «Хвалимъ, благословимъ, поклоняемся»... «Тебѣ вседѣтелю»... «Пламенемъ орошающимъ преподобныхъ». . . . Благословите отроцы». . . . «Побѣдители мучителя»... Потомъ начинается литургія.

1) Слова: Λέγε и Πάλιν въ данной рукописи написаны киноварью и положены на ноты. Эти слова называются *оставочными*, но ихъ присутствіе въ стихирахъ и стихахъ не было дѣломъ случайнымъ, а вызывалось практическими соображеніями нотописцевъ. Д. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи, в. I, стр. 109.

2) Ἀκολουθία называлось подробное и послѣдовательное изложеніе службы или чина, со всѣми обрядами, священническими и діаконскими возгласами и съ полнымъ текстомъ молитвъ, входящихъ въ составъ его, а διάταξις'омъ или просто τάξις'омъ — краткое уставное изложеніе тѣхъ же службъ или чиновъ, часто даже безъ указанія молитвъ.

чаніе о духовенствѣ и въ частности объ архіереѣ или даже патриархѣ, котораго видѣлъ, при совершеніи настоящаго обряда во св. Софіи Константинопольской, нашъ паломникъ XIV в., инокъ Игнатій Смольняниновъ ¹⁾. По Иверской рукописи, главными участниками обряда являются domestikъ, два хора и отроки; ни о духовенствѣ, ни о халдеяхъ, присутствіе которыхъ вызывается въ чинѣ настоятельною потребностію, нѣтъ и помина. Собственно говоря, даже и отроки, по этому чину, исполняютъ свою роль большею частию молча, простирая лишь руки, возводя очи горѣ и дѣлая круговыя хожденія внутри печи. Все это не согласуется съ библейскимъ разсказомъ у пророка Даниила объ изображаемомъ событіи, но все это станетъ вполне понятно, если мы примемъ во вниманіе, что рукопись, по которой мы издаемъ греческій чинъ пещнаго дѣйства, не есть обыкновенная богослужебная книга, отдѣльное изложеніе чина, а рукопись нотная, назначенная главнымъ образомъ для употребленія пѣвцами праваго и лѣваго хоровъ и domestikомъ, принимавшими, при совершеніи настоящаго обряда, живое и видное участіе. Всѣ уставныя замѣчанія, заимствованныя изъ подробнаго *διάταξις*'а или *ἀκολουθία*, къ сожалѣнію, и доселѣ еще намъ неизвѣстнаго ²⁾, являются здѣсь случайно и суть ни болѣе ни менѣе, какъ указатели того, — когда, въ какое время, или послѣ чего долженъ пѣть тотъ или иной стихъ domestikъ, или правый и лѣвый хоры. Разсматривая данный чинъ пещнаго дѣйствія съ этой точки зрѣнія, мы прежде всего констатируемъ тотъ весьма любопытный фактъ, что настоящій чинъ принадлежитъ къ тому роду пѣсенныхъ послѣдованій или чиновъ (*ᾠδατικὴ ἀκολουθία*) ³⁾, которые въ древности пользовались широкимъ употребленіемъ ⁴⁾ въ церкви св. Софіи Константинопольской,

1) Правосл. Палест. сборн. Спб. 1887 г. т. IV, в. III, стр. 12.

2) Не безынтересно сообщить нашимъ читателямъ слѣдующій любопытный фактъ. Отыскавъ вышеприведенный греческій чинъ пещнаго дѣйствія въ Иверской рукописи № 1120, мы, послѣ того, пересмотрѣли нѣсколько нотныхъ рукописей той же библиотеки, *всѣ* нотныя рукописи богатой аеонской Ватопедской библиотеки (около 500 ркп.), русскаго Паптелимоновскаго монастыря и библиотеки Аеинскаго національнаго Университета, куда собраны рукописи Фессалійскихъ метеорскихъ монастырей, и *не въ одной изъ нихъ не нашли чина пещнаго дѣйствія* хотя бы то и въ томъ же самомъ изложеніи, въ какомъ даетъ его намъ Иверская рукопись № 1120. Между этими рукописями попало намъ нѣсколько экземпляровъ даже съ тѣмъ самымъ надписаніемъ: «Παλαδικὴ τέχνη».

3) Подробное изслѣдованіе всѣхъ службъ этого рода принадлежитъ покойному профессору Москов. дух. Академіи И. Д. Мансветову: «О пѣсенномъ послѣдованіи, его древнѣйшая основа и общій строй», напечатанное въ Прибавл. Твор. Св. Отецъ за 1880 г. кн. III—IV.

4) Въ нотныхъ византійскихъ рукописяхъ мы имѣемъ: «Ἐσπερινὸς ᾠδατικὸς»,

продолжали существовать въ XIV столѣтїи въ церквахъ каедральныхъ православнаго востока, какъ свидѣтельствуемъ о томъ литургистъ Симеонъ Солунскій¹⁾, и въ видѣ обломковъ сохраняются въ нашемъ современномъ богослуженїи—въ чинахъ утрени въ великую субботу, на воздвиженїе, въ недѣлю крестопоклонную и въ чинѣ вечерни въ недѣлю пятидесятницы. Это съ одной стороны. Съ другой, имѣя въ виду указанное обстоятельство, мы должны быть весьма осторожны въ сужденїи по вопросу о происхожденїи особенностей нашего чина пещнаго дѣйствїя, при сопоставленїи особенностей этого чина съ чиномъ, извѣстнымъ намъ по Иверской рукописи, чтобы въ выводахъ своихъ и заключенїяхъ бытъ по возможности близкими къ истинѣ.

Сравнивая теперь оба чина пещнаго дѣйства—славяно-русскїй и греческїй, мы находимъ много общаго между ними. По обоимъ чинамъ, для обряда устрояется особымъ образомъ пещь, куда заключаются на нѣкоторое время три юноши или отрока, которые, послѣ спуска къ нимъ сверху ангела, сдѣланнаго изъ кожи и живописно росписаннаго, ходили трижды кругомъ внутри пещи, при пѣнїи особыхъ стиховъ пѣвцами и доместикомъ. Ангелъ этотъ въ извѣстное время поднимался кверху, при чемъ отроки простирали къ нему руки и поднимали глаза. Весь обрядъ состоялъ изъ пѣнїя седьмой и восьмой пѣсенъ канона, со стихами, выбранными большею частїю изъ книги пророка Данїила, примѣнительно къ воспоминаемому событїю. Въ нѣкоторыхъ стихахъ полное тожество между обоими чинами. Стихи исполнялись антифонно или, какъ говорится въ нашемъ чинѣ, «по статїямъ» пѣвцами праваго и лѣваго хоровъ, съ предварительнымъ возглашенїемъ положеннаго для пѣнїя доместикомъ, котораго у насъ замѣнялъ протодіаконъ.

Но, при указанномъ сходствѣ обоихъ чиновъ, несомнѣнно существуютъ и разности между ними. Первая крупная особенность греческаго чина отъ нашего заключается въ томъ, что обрядъ пещнаго дѣйства не входитъ органически въ послѣдованїе утрени, но совершается отдѣльно, самостоятельно отъ нея (*μετὰ τὸ τέλος τοῦ ὄρθρου*). Это-то выдѣленїе обряда пещнаго дѣйства изъ чинопослѣдованїя утрени, по греческому чину, его, такъ сказать, самостоятельность и

ὅς ψάλλεται κατὰ τὴν ἐσπέραν τῆς Ὑψώσεως καὶ τοῦ μεγάλου Χριστοστόμου καὶ τοῦ μεγάλου Δημητρίου» (Ркп. Ватоп. библ. № 297 (931) и «Ἀσματοῦχος ἐσπερινός, ψαλλόμενος εἰς μάρτυρας, εἰς ἀποστόλους, εἰς ἱεράρχας καὶ εἰς ὁσίους» (ркп. Иверск. библ. № 1120). Были изложенїя вечерни и на воскресные и другїе дни.

1) Migne Patrol. Curs. Complet., t. 150, col. 628.

были главною побудительною причиною, почему особенности этого обряда, по нашимъ чинамъ, мы рѣшились разсматривать не въ общемъ обзорѣни особенностей суточныхъ службъ, совершавшихся въ недѣлю св. праотець, и въ частности, при обзорѣни особенностей утренняго богослуженія этого дня, а въ концѣ всѣхъ службъ и обрядовъ, которые имѣли мѣсто въ данномъ случаѣ. Греческій чинъ пешнаго дѣйства, дажѣ, своими стихами ближе стоитъ къ библейскому разсказу о воспоминаемомъ событїи, описанномъ въ III главѣ книги пророка Даниїла. Наконецъ, существенную особенность греческаго чина отъ нашего составляютъ тѣ діалоги халдеевъ, которыми переполненъ нашъ рукописный XVII в. чинъ и существованіе которыхъ, по видимому, не допускаетъ никоимъ образомъ греческій чинъ, совершенно умалчивающій о халдеяхъ. Дѣйствительно, «безъискусственность» этихъ разговоровъ, исполненныхъ «простоты и наивности», съ примѣсю словъ изъ «народнаго языка и именно новгородскаго говора», какъ говорятъ одни изслѣдователи¹⁾, и ихъ даже «до нѣкоторой степени вульгарность по выраженїямъ», какъ утверждаютъ другіе²⁾, заставляютъ насъ думать, что діалоги эти русскаго происхожденія позднѣйшаго времени³⁾. Въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ мнѣніе о. протоіерея К. Т. Никольскаго. «Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, разговоры вошли изъ тѣхъ (правильнѣе выразиться: *подъ вліяніемъ* тѣхъ) религіозныхъ представленій, которыя совершались въ XVI и XVII вѣкахъ въ духовныхъ школахъ»⁴⁾. Другими словами говоря, это значитъ, что не здѣсь, въ этихъ разговорахъ халдеевъ нужно искать «зародышей сначала мистерій и религіозныхъ діалоговъ, а потомъ и драмы въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово нынѣ»⁵⁾, а что сами эти діалоги явились въ чинѣ пешнаго дѣйства въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтїя подѣ вліяніемъ тѣхъ мистерій, которыя въ это время проникли къ намъ черезъ Польшу и польскую литературу и въ XVII столѣтїи особенно пользовались широкимъ гостепріимствомъ у нашихъ ученыхъ, хорошо знакомыхъ съ польскимъ языкомъ и письменностію, и въ нашихъ шко-

1) Русск. Филолог. вѣстн. Варшав. 1890 т. XXIII, стр. 52—53.

2) Тамъ же 1891 г. т. XXVI. стр. 119.

3) Въ спискѣ чина XVI в., какъ мы замѣтили выше, многихъ діалоговъ мы не видимъ.

4) О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ богосл. печатныхъ книгахъ, стр. 177.

5) Русск. Филол. вѣстн. т. XXIII, стр. 54; П. Пекарскій, Введ. въ исторію про-свѣщ. въ Россіи XVIII ст. Спб. 1862 г. стр. 390.

лахъ. За происхожденіе этихъ разговоровъ именно въ XVII вѣкѣ у насъ говоритъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что въ нихъ замѣтно проглядываетъ страсть къ виршеплетству, господствующая въ это время среди нашихъ ученыхъ. Здѣсь мы находимъ, напр., нѣсколько рифмованныхъ стиховъ:

Сія печь будетъ не намъ на мученіе,
 Но вамъ на обличеніе.
 А мы вкинемъ ихъ въ печь
 И начнемъ ихъ жечь.

Еще болѣе простую и безыскусственную форму виршей представляютъ разговоры съ «подваиваніемъ той же рѣчи»:

Это дѣти царевы?
 Царевы.
 Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?
 Не слушаютъ.
 А златому тѣлу не поклоняются?
 Не поклоняются.

При сопоставленіи обоихъ чиновъ пещнаго дѣйства—греческаго и нашего славяно-русскаго, мы не должны опускать изъ вниманія и того обстоятельства, что оба разсматриваемые нами чина, по своему происхожденію, принадлежатъ различнымъ эпохамъ. Несомнѣнно наибольшую древностію своего происхожденія отличается нашъ славяно-русскій чинъ, по всѣмъ извѣстнымъ намъ спискамъ, не исключая и печатнаго, который представляетъ лишь небольшое видоизмѣненіе и упрощеніе рукописнаго. За древность его говорятъ строгое систематическое изложеніе его особенностей, неразрывная генетическая связь съ кругомъ суточныхъ службъ древняго устава великой константинопольской церкви, многочисленные грецизмы, оставленные безъ перевода (какъ то: келевсате, кѣпанты, кѣнадикъ, доры, Іосей пѣснь и др.) и, наконецъ, прямое указаніе на иной чинъ пещнаго дѣйства болѣе древній, въ греческомъ чинѣ «*Ἐτερον ἄλλαγμα παλαιόν*», замѣчено въ этомъ чинѣ. Слѣдовательно, настоящее извѣстное намъ нынѣ изложеніе чина *новое* (νέον) и отличное отъ древняго. Понятно, такимъ образомъ, почему въ разсматриваемыхъ нами чинахъ мы находимъ довольно крупныя особенности. Различныя времена и разныя причины давали естественныя основанія для нихъ.

Теперь на очередь становятся сами собою любопытные вопросы: когда вошелъ въ нашу богослужебную практику чинъ печнаго дѣйства и когда онъ вышелъ изъ употребленія, а равно какія были причины того и другаго явленія?

Доселѣ въ нашей литературѣ¹⁾, на основаніи расходныхъ книгъ новгородскаго архіерейскаго дома, въ которыхъ самое раннее указаніе на халдеевъ встрѣчается лишь подъ 1548 годомъ, этотъ послѣдній годъ считался, какъ выражается проф. Красносельцевъ, «границею документальной извѣстности «печнаго дѣйствія»²⁾, но въ настоящее время, благодаря находкѣ древнѣйшаго списка чина печнаго дѣйства, въ которомъ неоднократно многолѣтствуется «царь и великій князь Василей Ивановичъ (1505—1533), всея Русіи самодержецъ», профессоръ Красносельцевъ отодвигаетъ эту границу «къ еще болѣе раннему времени», т. е. «къ самому началу XVI вѣка»³⁾. Намъ, однако, думается, что время появленія у насъ въ богослужебной практикѣ чина печнаго дѣйства можно отодвинуть и къ еще болѣе древней эпохѣ существованія русскаго государства и русской церкви. Мы, напр., не сомнѣваемся, что въ XIV в. у насъ на Руси хорошо былъ извѣстенъ русскимъ людямъ чинъ печнаго дѣйства. Только въ такомъ предположеніи и можно объяснить себѣ, почему нашъ паломникъ, инокъ Игнатій Смольнянинъ, бывшій въ Константинополѣ (съ 1389—1405 г.) вмѣстѣ съ нашимъ митрополитомъ Пименомъ († 1390) и смоленскимъ епископомъ Михаиломъ и присутствовавшій во св. Софіи, при совершеніи обряда печнаго дѣйства, ограничился въ своемъ хожденіи самымъ краткимъ упоминаніемъ о немъ. «Въ недѣлю предъ Рожествомъ Христовымъ, говоритъ Игнатій Смольнянинъ, *видѣхъ въ святой Софіи, како радятъ печь святыхъ 3-ю отроцъ. И служившу патріарху святую литургію честно во всемъ саму святительскомъ*»⁴⁾. Если бы этотъ обрядъ для самого автора хожденія, весьма любознательнаго и внимательно изучавшаго особенности богослуженія византійской церкви (припомнимъ его обстоятельное описаніе «царьскаго вѣнчанія» византійскаго императора Мануила), былъ неожиданною новостію, то быть не можетъ, чтобы онъ не удѣлилъ ему больше мѣста въ своемъ

1) К. Никольскій, О службахъ русской церкви, стр. 174; Извѣст. Импер. Археол. Общ. 1861 г. т. III, стр. 36.

2) Русск. Филологич. Вѣстн. т. XXVI, стр. 119.

3) Тамъ же стр. 120.

4) Православн. Палест. Сборн. т. IV, в. III, стр. 11—12.

хожденіи, чѣмъ въ настоящее время. Это во первыхъ. Во вторыхъ, при такой краткости, инокъ Игнатій рисковалъ быть не понятнымъ своими русскими читателями, для которыхъ онъ писалъ свое хожденіе, если бы эти читатели не были хорошо освѣдомлены на счетъ того, «какъ рядятъ пещь святыхъ 3-ю отроковъ» въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. Такимъ образомъ, эта краткость въ описаніи даннаго обряда является у Игнатія Смольянинова вполне естественною и умѣстною, такъ какъ онъ говоритъ объ обычаѣ *хорошо извѣстномъ*, какъ ему самому, такъ и его читателямъ, русскимъ людямъ. Въ этой краткости мы находимъ молчаливое свидѣтельство и того для насъ любопытнаго факта, что въ данное время чинъ пещнаго дѣйства, совершавшійся въ Византіи, ничѣмъ, слѣдовательно, существеннымъ не разнился отъ чина, практиковавшагося у насъ на Руси, — иначе, особенности его были бы отмѣчены любопытнымъ наблюдателемъ. Подтверженіе этому мы находимъ и въ словахъ самого Смольянинова, который замѣтилъ, что въ этотъ день служилъ патріархъ литургію «во всемъ сану святительскомъ». И такъ, когда же появился въ нашей богослужебной практикѣ чинъ пещнаго дѣйствія?

Проф. Московской духовной Академіи Е. Е. Голубинскій въ своей «Исторіи русской церкви» (періодъ первый кіевскій или домонгольскій), коснувшись времени перехода къ намъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ, вышедшихъ нынѣ изъ употребленія, и между прочимъ обряда пещнаго дѣйствія, въ виду отсутствія «положительныхъ свѣдѣній», двукратно¹⁾ отказался дать какой бы то ни было отвѣтъ по занимающему насъ вопросу, но потомъ въ своихъ «дополненіяхъ и поправкахъ» сдѣлалъ весьма любопытное замѣчаніе: «Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 г. 2 изд. стр. 228 называется воевода одного князя Иванъ *Халдъевичъ*. *Этимъ дается до нѣкоторой степени знать, что тогда (т. е. въ XII в.) былъ уже у насъ въ обычаѣ обрядъ пещнаго дѣйствія*»²⁾. Правда, основанія для послѣдней мысли весьма шаткія, такъ какъ слово *Халдей*, отъ котораго происходитъ фамилія воеводы, упоминаемаго въ Ипатьевской лѣтописи, могло быть извѣстно русскимъ людямъ не изъ обряда пещнаго дѣйствія, а скорѣе всего и естественнѣе изъ книги пророка Даніила (глав. III, ст. 8, 48) и изъ нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ пѣсней³⁾, которыя

1) Т. I, полов. II, М. 1881 г., стр. 327, 328.

2) Тамъ же стр. 781.

3) Вотъ, напр., какъ поется 8 пѣснь канона 2 гласа: «Пещь иногда огненная въ

часто слышались русскими людьми въ храмѣ, но для насъ важно приведенное замѣчаніе ученаго профессора въ томъ отношеніи, что имъ «дается до нѣкоторой степени знать» намъ, что ему не чужда была мысль о существованіи въ нашей богослужебной практикѣ XII вѣка «обряда пещнаго дѣйствія». Мысль эта заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полного сочувствія и вниманія къ себѣ, но нуждается въ болѣе серьезной мотивировкѣ. При отсутствіи у насъ подъ руками какихъ бы то ни было «положительныхъ данныхъ» по занимающему насъ вопросу, намъ пока приходится ограничиться болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями.

Обрядъ пещнаго дѣйствія явился къ намъ на Русь изъ Византіи съ принятіемъ христіанства и вмѣстѣ съ Типикономъ или уставомъ великой церкви, который регулировалъ наше богослуженіе самостоятельно, какъ мы замѣтили выше, около восьмидесяти лѣтъ и потомъ, когда былъ введенъ въ практику нашу монастырскій уставъ, долго боролся съ послѣднимъ, нерѣдко подчиняя его своему вліянію. Слѣды этой борьбы мы видѣли въ XIV и XV вѣкахъ, но слабые ея признаки можно находить въ каноническихъ памятникахъ XVI вѣка и даже еще позже. Такъ было велико и сильно у насъ вліяніе Типикона великой константинопольской церкви. Подробный анализъ всѣхъ особенностей въ кругѣ суточныхъ службъ недѣли праотець, связанныхъ съ обрядомъ пещнаго дѣйства, сдѣланный нами выше, вновь открытый нами «*διάταξις τῆς χαμίνου*» Иверской рукописи, свидѣтельства объ этомъ обрядѣ Симеона Солунскаго и нашего инока Игнатія Смольнянинова, не оставляютъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ византійскомъ происхожденіи чина пещнаго дѣйства и въ томъ, что онъ явился къ намъ подъ вліяніемъ устава св. Софіи Константинопольской.

Не лишне при этомъ отмѣтить весьма любопытное заключительное замѣчаніе въ чинѣ пещнаго дѣйства, открытомъ профессоромъ Н. О. Красносельцевымъ. «А на празникъ Рожества Христова, говорится здѣсь, провожаютъ митрополита *по тому ж чину* отроцы и халдѣи и подяки къ вечерни и от вечерни, къ заутрени и от заутрени, *и дѣйствуютъ вся отроци пещново дѣйства*, (а на обѣдни такожде, якож и на пещное дѣйство)¹⁾. А за столомъ стоятъ пред митрополитом отроки и халдѣи, якож и на пещное дѣйство, и тако совершаетца празникъ». Изъ

Вавилонѣ дѣйства раздѣляше, Божиимъ велѣніемъ *халдеи опаляющая*, вѣрныя же орошающая, поющая: благословите вся дѣла Господня Господа.

1) Заключенныя въ скобки слова въ рукописи зачеркнуты.

этого замѣчанія мы видимъ, что особенные обряды, входящіе въ чины суточныхъ службъ недѣли праотець, не составляли исключительнаго достоянія практики этого дня и вызывались существованіемъ обряда пещнаго дѣйства, а проникали и въ суточные службы другихъ дней и, въ частности, ближайшаго къ недѣли праотець праздника Рождества Христова. Такое явленіе объяснимо лишь въ томъ предположеніи, что уставъ великой церкви имѣлъ у насъ большое значеніе, его обряды хорошо были извѣстны въ нашей богослужебной практикѣ и не производили никакого смущенія въ средѣ русскихъ богомольцевъ даже и въ то время, когда завѣдомо господствовали въ богослужебной практикѣ русской церкви иной уставъ.

Но говоря о византійскомъ происхожденіи нашего чина пещнаго дѣйства и о появленіи его у насъ съ принятіемъ русскими христіанства, мы не должны забывать, что для нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ (напр. проф. Голубинскаго) «древность» обряда пещнаго дѣйствія у Грековъ въ Византіи представляетъ еще вопросъ открытій. «Есть ли она (эта церковная драма) у Грековъ древняя и собственная, задается вопросомъ этотъ ученый профессоръ, или позднѣйшая, придуманная по образцу латинянъ (въ то время, какъ послѣдніе господствовали въ Константинополѣ), *это пока составляетъ для насъ вопросъ*»¹⁾. Мы съ своей стороны нисколько не сомнѣваемся въ чисто греческомъ происхожденіи даннаго обряда и, если не въ глубокой древности, то во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе, чѣмъ начались столкновенія съ латинянами и ихъ непосредственное вліяніе на богослужебную практику византійской церкви. Въ единственномъ пока и при томъ краткомъ спискѣ устава великой церкви константинопольской X вѣка, извѣстномъ намъ по рукописи Патмосской библіотеки № 266, о занимающемъ насъ обрядѣ хотя и не говорится прямо, но существованіе его въ практикѣ великой церкви въ эту пору, на основаніи данной рукописи, можно доказывать, по нашему мнѣнію, съ полною вѣроятностію. Вотъ что мы читаемъ въ этой рукописи о недѣлѣ предъ Рождествомъ Христовымъ: «Κυριακῆ πρὸ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως μνήμη τῶν ἁγίων πατέρων ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ, καὶ τῶν γ' παιδῶν Ἀνανία, Ἀζαρία καὶ Μισαήλ, καὶ Δανιήλ τοῦ προφήτου»²⁾. Чѣмъ объяснить появленіе этой памяти трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и

1) Истор. русск. Церкви т. I, полов. II, стр. 328.

2) Тотж. рукоп. Патмосск. библ. № 266 л. 58.

Мисаила и пророка Даниїла въ службѣ недѣли св. отецъ¹⁾ предъ Рождествомъ Христовымъ, въ другихъ мѣсяцесловахъ²⁾ въ данномъ мѣстѣ не указываемой, особенно если мы примемъ во вниманіе, что въ той же рукописи самостоятельно стоитъ ихъ память подъ 17 числомъ того же мѣсяца: Ἐθλησις τῶν ἁγίων τριῶν παιδῶν Ἀνανία, Ἀζαρία, Μισαήλ καὶ Δανιήλ τοῦ προφήτου καὶ τῶν ἁγίων Πατερμουθίου κ. τ. λ.?³⁾ Такое двукратное повтореніе одной и той же памяти на пространствѣ всего нѣсколькихъ дней нельзя считать случайнымъ; оно вызывалось потребностями самой практики великой церкви. Въ 17 день декабря мѣсяца память трехъ отроковъ праздновалась обычнымъ повседневнымъ богослуженіемъ, но въ недѣлю св. отецъ она почтена была въ Софійской богослужебной практикѣ не только торжественнымъ великопраздничнымъ богослуженіемъ, но и особымъ обрядомъ возженія печи,—совершался ли онъ во время утрени на канонѣ, или послѣ утрени, какъ наглядное воспроизведеніе самого акта мученія (ἔθλησις) этихъ отроковъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, Типиконъ великой церкви X вѣка положительно знаетъ объ обрядѣ печнаго дѣйствія, но не отмѣчаетъ и не заноситъ его на свои страницы по тѣмъ же самымъ причинамъ (въ силу своей краткости), по какимъ въ немъ нѣтъ указаній на чины, несомнѣнно практиковавшіеся въ это время въ великой церкви, какъ, напр., на чинъ новолѣтія въ 1 сентября, чинъ вечерни въ Пятидесятницу и др. Съ переводомъ на славяно-русскій языкъ устава великой церкви, о чемъ мы говорили выше, въ русской церкви появился одновременно въ переводѣ и чинъ печнаго дѣйствія, какъ его неотъемлемая принадлежность.

Большою распространенностію и извѣстностію чина печнаго дѣйствія среди русскаго народа на самыхъ первыхъ порахъ его христіанской жизни мы объясняемъ и то вниманіе съ его стороны къ иконѣ трехъ отроковъ, какое находимъ въ вопросахъ Кирика къ епископу новгородскому Нифонту. «А еже пишють на 3-хъ отроцѣхъ на главахъ и на инѣхъ пророчѣхъ»? вопрошалъ Кирикъ и получилъ отъ епископа слѣдующій отвѣтъ: «А то, рече, *за клобукъ мѣста*: тако бо ходили

1) Связь памяти трехъ отроковъ въ печи Вавилонской съ *недѣлю пратецъ* можно находить и въ Синайскихъ Канонаряхъ IX—X в. Здѣсь подъ 17 декабря читаемъ слѣдующее: Τῶν ἁγίων γ' παιδῶν Ἀνανία, Ἀζαρία καὶ Μισαήλ, καὶ τοῦ προφήτου Δανιήλ καὶ τῶν ἁγίων προπατόρων. Труд. Кіев. духовн. Акад. 1874 кн. V, стр. 214.

2) Арх. Сергія. Полный мѣсяц. востока. М. 1876 г., т. II, стр. 330.

3) Тотлж. рукоп. Патмосск. библ. № 266 л. 55.

Ефешане (?)»¹⁾). Былъ бы не понятенъ интересъ Кирика къ данной иконѣ и именно къ неважной, по видимому, особенности головного убора на изображаемыхъ на ней трехъ отрокахъ, если бы съ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса не связывался въ богослужебной практикѣ вопросъ о формѣ тѣхъ «вѣнцовъ» или «шапокъ», которые надѣвали отроки, при совершеніи чина печнаго дѣйства въ недѣлю св. отецъ. Интересъ въ данномъ случаѣ понятный и естественный.

Чинъ печнаго дѣйствія несомнѣнно совершался въ Новгородѣ, Вологдѣ и Москвѣ. На основаніи хожденія въ Царьградъ инока Игнатія Смольнянинова можно думать, что онъ было хорошо извѣстенъ въ Смоленскѣ. Если вѣрить извѣстному собирателю народныхъ сказаній и памятниковъ народной письменности И. П. Сахарову, то деревянная печь²⁾, которая могла имѣть практическое значеніе лишь при совершеніи тамъ чина печнаго дѣйствія, хранилась во Владимірѣ на Клязьмѣ въ старомъ архіерейскомъ домѣ, близъ Успенскаго собора³⁾. Но можно полагать, что предѣлы, въ которыхъ имѣлъ практическое значеніе чинъ печнаго дѣйствія, были въ древнее время гораздо шире; они совпадали съ райономъ, въ которомъ богослуженіемъ регулировалъ уставъ великой церкви. За послѣднее говорить отчасти и печатный чинъ даннаго обряда, на основаніи котораго Н. Новиковъ къ изданному имъ «чину печнаго дѣйствія» сдѣлалъ такое примѣчаніе: «дѣйствіе сіе отправляемо было *въ архіерейскихъ престольныхъ городахъ*, а паче въ Москвѣ и Новгородѣ»⁴⁾).

На востокъ «чинъ печнаго дѣйства» сохранялъ свою силу и практическое значеніе и во второй половинѣ XV вѣка. За это говорить намъ Иверская рукопись 1457 года № 1120, изъ которой мы заимствовали вышеприведенный «*διάταξις τῆς καμίνου*». Въ этой рукописи вслѣдъ за упомянутымъ *διάταξις* омы положены на ноты «*ᾠσματικά*» для пѣсней третьей, шестой, восьмой и девятой слѣдующихъ лицъ: Андромеа, киръ Мануила и Иоанна Кукузеля. Эти «*ᾠσματικά*», судя по ихъ связи съ чиномъ печнаго дѣйствія, когда-то пѣлись во время

1) Русск. Истор. библ. т. VI, 33.

2) Въ связи съ этимъ фактомъ тотъ же И. Сахаровъ сообщаетъ «народное преданіе» о томъ, что владимірцы пріѣхали когда-то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвальбы володимірскія, да съ досады и говорили: «Охъ, вы, плотники! У васъ и всего-де: *деревяныя печи*, золотыя ворота, желѣзныя церкви». Сказ. русск. народ., собранныя И. Сахаровымъ. СПб. 1841 кн. 1, стр. 108.

3) Сказ. русскаго народа кн. I, стр. 108.

4) Дрен. російск. вивліюв. СПб. 1774 г., ч. V, стр. 1, прим.

его совершенія. Въ числѣ ихъ мы видимъ «έτερον (т. е. ἄσματικόν), ποιηθὲν μετὰ τὴν ἄλωσιν Κωνσταντινουπόλεως Μανουὴλ Λαμπταδαρίου Χρυσάρη», т. е. извѣстный 88 псаломъ: «Боже придоша языцы въ достояніе твое»¹⁾. Если писались новыя потныя изложенія псалмовъ и пѣсней для чина пещнаго дѣйствія, то естественно думать, что въ томъ была нужда, что самый чинъ находился еще въ практическомъ употребленіи. Но едвали не въ концѣ этого XV столѣтія чинъ пещнаго дѣйствія и покончилъ здѣсь свое существованіе, такъ какъ и самый уставъ великой церкви, начавшій постепенно уступать свое мѣсто съ XIII в. уставу іерусалимскому, къ данному времени утратилъ практическое значеніе и былъ вытѣсненъ окончательно. Въ XVI столѣтіи на православномъ востокѣ повсюду дѣйствуетъ въ практикѣ іерусалимскій уставъ, въ 1545 г. попавшій даже и на печатный станокъ. Весьма стѣненные обстоятельства, въ которыхъ находилась великая константинопольская церковь и весь православный востокъ, по завоеваніи Константинополя Турками, въ значительной степени содѣйствовали быстрому вытѣсненію изъ богослужебной практики того и другого.

Въ нашей богослужебной практикѣ чинъ пещнаго дѣйствія продержался черезъ весь XVI вѣкъ и вплоть почти до конца первой половины XVII столѣтія. Въ Новгородѣ онъ прекратилъ свое существованіе ранѣе 1639 года, а въ Вологдѣ совершался до 1643 года²⁾, послѣ котораго о немъ совершенно молчатъ обстоятельныя записи приходо-расходныхъ книгъ Вологодскаго архіерейскаго дома. Прямыхъ запретительныхъ указовъ или распоряженій со стороны духовной власти относительно настоящаго чина намъ неизвѣстно. Чинъ этотъ, какъ намъ кажется, вышелъ изъ употребленія естественнымъ путемъ. Не практиковался онъ въ данное время на востокѣ, гдѣ, какъ мы сказали, уставъ великой церкви, причина его появленія въ нашей богослужебной практикѣ, уступилъ свое мѣсто іерусалимскому уставу, прочно утвердившемуся и въ нашемъ богослуженіи. Обычай и особенности суточного богослуженія, связаннаго съ обрядомъ пещнаго дѣйствія, стояли въ разладѣ съ общеизвѣстною практикою господствующаго іерусалимскаго устава и могли у многихъ «совопросниковъ» XVII в. уже возбуждать недоумѣнія. Нароставшій въ обрядѣ драматическій элементъ, какъ

1) Рукоп. Иверск. библ. № 1120, л. 456 об., 457.

2) К. Никольскій, О службахъ русск. церкви стр. 174.

произведеіе русскаго творчества, полный «наивности и до нѣкоторой степени вульгарности въ выраженіяхъ», не свойственныхъ рѣчи церковной, библейской, могъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы духовная власть обратила серьезное вниманіе на данный чинъ. И дѣйствительно, сначала въ этихъ видахъ она издала въ свѣтъ печатный чинъ, значительно сокративъ его противъ рукописныхъ подлинниковъ, въ обрядахъ приблизивъ его къ «обычному» утвердившемуся іерусалимскому уставу и изгнавъ изъ него вульгарные и наивные разговоры халдеевъ, а потомъ окончательно отмѣнила его совершеніе въ нашей практикѣ. Духовная власть, очевидно, опасалась, чтобы данный обрядъ, полный глубокаго смысла и религіозно-воспитательнаго значенія, не превратился для русскихъ людей даннаго времени, подъ воздѣйствіемъ указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ простое, выражаясь старымъ терминомъ, «позорище», мѣсто которому не въ церковномъ амвонѣ предъ алтаремъ, а на театральныхъ подмосткахъ.

А. Дмитріевскій.

Кіевъ. 1894 г. 14 января.